

Анжей
Иконников-Галицкий

ТРИДЕВЯТЫЕ
ЦАРСТВА РОССИИ

Анджей А. Иконников-Галицкий Тридцать девять царств России

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18064686

*А. А. Иконников-Галицкий. Тридцать девять царств России: Путевые очерки: ООО «Издательство К. Тублина»; Санкт-Петербург; 2015
ISBN 978-5-8370-0710-1*

Аннотация

Открывая эту книгу, понимаешь, что Россия тебе известна в куда меньшей степени, нежели турецкие пляжи или египетские пески, – Россия неезженных дорог, маленьких городов, гор и степей, рек и океанов. Начиная с Северо-Запада страны, автор ведет читателя дальше – через Поволжье, Алтай, Сибирь и Дальний Восток к самому Сахалину.

Этот путевой дневник уникальным образом сочетает в себе строгость научного исторического подхода, тонкость наблюдений опытного путешественника и блестящий стиль талантливого мастера.

Содержание

От автора	5
Ещё от автора	6
Царство первое. Тихий свет озёрного края. Северо-Запад России	7
Святой Георгий из Старой Ладogi. 2000 год	8
У начала Руси. 2002–2003	14
Ожерелье Свири. 1999–2002	21
Земля вепсская неведомая. 2007 год	26
Онего – ворота Севера. 2001–2010	35
Царство второе. Река времён. Мир Волги. 1998–1999	41
Река времен	42
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Анджей Иконников-Галицкий Тридешатые царства России: Путешественные очерки

© А. Иконников-Галицкий, 2015

© ООО «Издательство К. Тублина», макет, 2015

© А. Веселов, оформление, 2015

* * *

От автора

Эта книга – результат путешествий по России, которые я совершал на протяжении лет примерно двадцати, с 1990 года. Журналистские командировки, работа в археологических экспедициях, пешие походы со школьниками и студентами, просто поездки ради собственного интереса – позволили увидеть Россию такой, какой мало кто её мог увидеть: в бесконечном разнообразии, в необъяснимо противоречивой и неразменной её красоте. Наблюдения, впечатления, потрясения, открытия отложились в стихах и в прозе, в десятках очерков и статей, опубликованных в 1995–2010 годах в газетах и журналах Москвы и Петербурга. Не всё вошло в эту книгу: Россия – страна без границ, и рассказы о ней не имеют конца. Салехард и Белое море, Пушкинские горы и Урал, и ещё многое увиденное, принятое в душу, полюбленное – может быть, станет материалом для ещё одной книги.

А здесь – пять разных, совершенно несхожих между собою стран, пять континентов, расположенных на планете Россия. Все они скрыты от постороннего легковесного взгляда за лесами дремучими, за реками широкими, за болотами топкими, за горами высокими. Друг от друга отделены расстояниями неслыханными, тысячевёрстными. Настоящие тридевятые царства.

Всё, что я о них пишу, – правда. Всё видел собственными глазами, слышал собственными ушами или узнал у надёжных информаторов – начиная с летописца Нестора и заканчивая многочисленными моими современниками, с которыми общался в странствиях. Мои современники и соотечественники – удивительные люди. Не могу охарактеризовать их одной фразой, но знаю точно: они гораздо тоньше, умнее, добрее и благороднее, чем это может показаться поверхностному наблюдателю. Я их люблю и им верю.

Очерки, вошедшие в книгу, писались в разное время, и в них отразились разные моменты нашей быстро меняющейся жизни. В 1995 году там-то и там-то было одно, сейчас на этом же месте совершенно другое. Я не стал, за редкими исключениями, ничего менять в написанных текстах. Пусть будут такими, какими сложились: текущим свидетельством эпохи. Да, впрочем, меняется (порой до неузнаваемости) только внешнее: волны бегут по поверхности океана. А в глубине Россия остаётся той же, что и двадцать, и двести лет назад.

Какой?

Вот это-то и загадка.

Ещё от автора

Возвращаться...

Возвращаться в Россию. На запах.
Как в холодную грязную воду.
Оглядываясь на запад,
кланяться восходу.
На сухом бережку
шарить сачком – где рыба?!
К нимбу тянуть башку,
кувыркаясь с обрыва.

Возвращаться – пёс с ней,
не хочется, да и не надо.
В страну белых степей,
где листва ледяная,
где зима клонит в сон
с августа до июля,
где в каждом шкафу Гапон,
в каждой петле Иуда.

Возвращаться – к чему?
К бездне, в которой сгину.
К порванному черновику,
к перевернутому гимну.
Пробуя кровь на вкус,
петь меж серпом и млатом
про нерушимый союз
морды с салатом.

Не вернусь, решено!
Лица везде чужие.
Ливнем сквозь решето,
ветром на все четыре.
Как сквозь землю Итиль,
в омут Китеж – спасайте-ка!

...

Ладно. Пора идти.
Заканчивается посадка.

Царство первое. Тихий свет озёрного края. Северо-Запад России

У этой страны, при всём её своеобразии, нет названия. У других краёв Земли русской есть имена: Смоленщина, Тамбовщина, Поволжье, Забайкалье, Тверская земля, Вятская земля... А этот обширный мир, включающий в себя, целиком или частично, пять субъектов Федерации – Псковскую, Новгородскую, Ленинградскую области, запад Вологодской и юг Карелии, – не имеет общего имени. В ходу безликое географическое определение: Российский Северо-Запад. В издании «Россия. Полное географическое описание нашего отечества» под редакцией Семёнова-Тян-Шанского страна эта названа Озёрной областью. Воспользуемся этим названием.

Близость к «обеим столицам нашим» и обилие старинных культурно-политических центров сыграли с этой землёй странную шутку: о ней мало знают. Не только москвичи и петербуржцы, но даже новгородцы, псковичи и вологжане в массе своей не подозревают, что стоит только отъехать на сотню-другую километров от областного центра, сойти с поезда, двинуться просёлочной дорогой через ближайший лес, за ближайшую речку – и попадётся в иной мир, неброский и неяркий, но полный исторических воспоминаний, древних чудес и современных парадоксов. По этой стране надо ходить пешком. Тогда рождаются открытия.

Святой Георгий из Старой Ладogi. 2000 год

О русском

Мы сидим с Торой, очаровательной шведской студенткой-русисткой, на скамейке посередине Старой Ладogi, как памятник русско-шведской дружбы. Во-первых, мы пьём пиво: действие абсолютно мирное и интернациональное, равно любимое как русскими, так и шведами. Прямо напротив нас, напротив автобусной остановки и сигаретно-пивного ларька, возвышаются стены древнейшей каменной крепости на Руси. Над ними – благородные очертания кремво-белого Георгиевского собора, современника князя Игоря Святославича и похода его на половцев. А тут же, за нашей скамейкой, головой в лопухах, самозабвенно спит пьяный местный житель. Светит солнце, погода отменная. Кругом цветёт сирень. Пыль летит от дороги. Русь.

Тора примерно год вживается в русскую действительность. Хороший срок. С одной стороны, она уже чувствует и понимает нечто важное про нас. С другой стороны, Россия в целом для неё ещё – terra incognita. Поэтому общение с ней интенсивно и полезно. Всё время надо отвечать на вопросы. А значит, думать и задумываться. Видеть.

Мимо остановки прошли две хромоногие бабки с кошёлками. Солнце отразилось в сиянии церковного креста. Пьяный мужик пошевелился в своих лопухах, но не прервал сладкого сна. К ларьку подъехала перламутровая «ауди»; из неё выскочил мужчина в спортивных штанах, с животом и лысиной. Говоря что-то в мобильник, он сунулся в окошечко за пивом.

Тора сказала:

– Я всегда слышала, что русские как-то особенно произносят слово «русский», – (Тора говорит уже неплохо, но с сильным акцентом). – Что это значит – слово «русский» – для русских?

Я подумал и ответил:

– Знаете, Тора, каждый русский в глубине души убеждён, что кроме русского на свете больше ничего и «никакого» нет. Русский – слово прилагательное, и прилагается оно ко всему нормальному и естественному. Про явления противоестественные и ненормальные у нас говорят: «не по-русски». «Ну что это ты гвоздь как-то не по-русски забиваешь». «Не по-русски картину повесили – вниз головой».

Наши люди убеждены (я это много раз наблюдал за границей), что все в мире должны говорить или хотя бы понимать по-русски. Наш турист обращается, скажем, к египетскому арабу или к шерпу на базаре в Непале по-русски и искренне изумляется, если тот не понимает. Нерусское – это что-то странное, нереальное, в сущности, потустороннее. Нерусские люди – это те, которые не понимают. Как выходцы с того света. Чертей и мертвецов в некоторых русских диалектах называют – «ненаши».

Россия – мир «наших», русских людей – страна без границ. В сущности, её границы простираются до края мироздания. То, что всё же помещается за рубежами России, находится также и за гранью подлинного бытия. В смысле географическом у России действительно нет определённых границ. Но отсутствие ясных рубежей и пределов является также краеугольным камнем русского этнического самосознания, общественной психологии, культуры. «Заграница» – какое-то необычное слово! – воспринималась и воспринимается нами как потусторонний мир. Уехать за границу – всё равно что умереть. Вернуться оттуда – всё равно что вернуться с того света.

Пока я рассуждал таким образом, к остановке подкатил автобус. Тора показала на него пальцем и засмеялась. На запылённом автобусе, циркулирующем по разбитым дорогам

между райцентром и двумя-тремя посёлками захолустного района захолустной области России, было написано не по-русски, не по-английски, а по-норвежски – что-то вроде: «Автовокзал – городская больница» и другие тексты. Автобус собрал пассажиров и уехал.

Путём Рюрика

Я давно хотел свозить Тору в Старую Ладогу. По нескольким причинам. Первое: Старая Ладога настолько стара, что может считаться старейшим городом всея Руси. В «Повести временных лет» Ладога упоминается под 860 годом в связи с призванием варягов. Отсюда двинулись на свои княжения три брата-варяга – Рюрик в Новгород, Синеус на Белоозеро, Трувор в Изборск. Более ранних дат русская хронография вообще не называет. Роль Ладоги как опорного пункта Рюрика перед овладением Новгородом наводит на мысль о возможном старшинстве её по отношению к другим северорусским городам. Раз есть Новгород, то был ведь и «старый город». Уж не Ладога ли это?

Правда, полагаться на названия всегда рискованно. Новгород фигурирует в греческих и скандинавских источниках как «Немогард» или «Невогард»: возможно, его название происходит не от слова «новый», а от слова «Нево». Так называлось Ладожское озеро в Рюриковы времена, а Ладожским оно стало именоваться впоследствии – по городу Ладога. «Старой» же Ладога стала только при Петре. За девять столетий, прошедших от времени возникновения Ладоги до петровских времён, вода на всём севере Европы отступила довольно значительно. Нево из глубокой морской лагуны окончательно превратилось в озеро, и протока, соединявшая его с Балтикой, стала рекой Невой; устье Волхова, вливающееся в простор Ладожского озера, удалилось от стен Ладоги. Поэтому Пётр и заложил у нового, топкого устья Волхова Новую Ладогу. А та – сделалась Старой Ладогой, заштатным городком, почти деревней, «населённым пунктом сельского типа».

Добираться сюда непросто, и это тоже было поводом съездить. То есть, конечно, просто – для нас, русских. Электричка из Питера до Волховстроя идёт три часа. Если идёт. Автобус от Волховстроя – минут двадцать. Мы поехали более сложным путём: на автобусе по Мурманскому шоссе до моста через Волхов – это ровно посередине между Старой и Новой Ладогой. Оттуда, по всем данным, тоже ходит автобус. Есть расписание. Я говорил Торе: «Проверим, можно ли в России верить расписанию». Разумеется, автобус не пошёл. И мы двинулись по трассе пешком.

Россия – страна непредсказуемых расстояний.

Дорога – нетрудная и по погоде приятная – идёт вдоль Волхова. Сам он, правда, не виден за полями и прибрежным кустарником. Кругом – плоская, как стол, Приладожская равнина. Так тянется она неведомо сколь далеко – на юг, на восток, на северо-восток. Иностранцы не могут поверить, что в России нет гор. Тора спросила меня: где здесь ближайшие горы. Я ответил:

– У вас, в Швеции.

– А в России?

– Урал и Кавказ.

– Сколько до них километров?

– Примерно две с половиной тысячи. Ах да, есть ещё Хибины, до них – полторы.

В то, что Россия – равнина, не могла поверить не только скандинавская студентка Тора, но и византийский император Константин Багрянородный, уроженец Константинополя. В книге «Об управлении империей» он пишет о Руси и, в частности, о том, что русские славяне строят лодки из леса, который рубят «у себя в горах».

Видимо, где-то здесь эти «горы» и расположены. Древние славяне действительно строили лодки и без них не мыслили себе жизни, потому что жили по берегам рек и озёр. Реки

были и дорогами (других не существовало), и источником пищи. Все славянские поселения вытягивались по их берегам. А в стороне от магистральных речных путей, в лесных дебрях жили угро-финские жители, известные колдуны: карелы, чудь, весь, меря, ижорцы. Отношения между славянами и финно-уграми оставались мирными, потому что друг другу они не мешали. Лесовики занимались охотой и подсечно-огневым земледелием в лесных чащобах. Славяне пахали пойменные земли, ловили рыбу и вели торги по мере скромных сил. Так, по рекам, дошли они до севера, до Нево.

Ладога, древнейшие археологические слои которой датируются концом VIII – началом IX века, была, по-видимому, самой северной точкой расселения самого северного славянского племени – ильменских словен. Крупные поселения, как правило, располагались на крупных реках. А Волхов был крупной рекой. И не только потому, что вода в нём стояла выше, чем сейчас. Но и потому, что он был частью знаменитого магистрального пути «Из варяг в греки», по значению в жизни тогдашней Евразии сравнимого разве что с Великим шёлковым путём. Славянам, поселившимся здесь двенадцать столетий назад, и повезло, и не повезло. Повезло, потому что балтийско-днепровская торговля быстро сделала их сравнительно культурными и сравнительно богатыми. Не повезло, потому что с северо-запада этим же путём и в это же время пришли серьёзные люди – норманны. Викинги. Варяги. Скандинавы. Шведы. Дальние предки нашей Торы.

Всё меняется в этом мире! Сейчас Европа боится русских. Особенно боятся шведы: их мало, и они наши соседи. Тысячу лет назад если кто кого и боялся, то наши предки – предков шведов. Боялись примерно так, как теперь мирный новгородский или тверской обыватель боится рэкетиров. Отношения между варягами и славянами строились «чисто» по принципу рэкета, «в натуре». Славяне работали и торговали, получая относительно неплохой доход. Но тут приходил свейский, данский или готский конунг с «братвой» – дружиной – и... Впрочем, славяне и сами понимали, что надо делиться: не то придёт другой насильник, ещё хуже. А с этими, в принципе, можно договориться. И «крыша» хорошая. Лесных «чухонцев» славяне и варяги, надо думать, облагали данью совместно.

В середине девятого века скандинавы стали оседать, пускать прочные корни на севере Руси. Об этом свидетельствуют археологические памятники: погребения, утварь, оружие – скандинавского или смешанного скандинавско-славянского происхождения. Скандинавские и славянские материалы соседствуют в археологических слоях Старой Ладоги этого времени. Поселение становится совместным, двуединым. Видимо, «деловые» варяжские конунги утвердились здесь раньше, чем где бы то ни было в Восточной Европе.

Именно в качестве надёжной «крыши», надо полагать, призвали новгородцы к себе Рюрика «володеть и княжить». На момент призвания он уже «володел» Ладогой.

Приходится думать, что беспокойным было здешнее население. Первое обиталище варяжских воинов, следы которого археологи обнаружили в двух шагах от нынешней Староладожской крепости, было разорено и сожжено – очевидно, местными жителями. Да и в последующие века оружие в их домах не ржавело впустую. Этот загульный дух пережил все столетия и ещё раз восторжествовал в советское время. Если помните, было такое понятие – «сто первый километр». Старая Ладога – одно из ближайших к Питеру населённых мест, расположенных за сто первым километром. В советское время здесь селились отбывшие срок, те, кому статья не позволяла получить питерскую прописку. Бичи. Впрочем, варяги тоже для своей эпохи были чем-то вроде бичей.

Змея и крест

Дорога повернула. Прибрежные заросли отодвинулись, открыв высокий обрывистый берег. Блеснул Волхов. У излучины реки, между нею и дорогой, на возвышенном открытом

месте явились нам погребальные курганы древних конунгов – северный аналог египетских пирамид.

Это – ближайшая к озеру окраина Старой Ладogi. Цепочка курганов, выпуклых, как боевые шлемы невиданных богатырей, тянется отсюда вдоль Волхова, с севера на юг. Самый большой курган (излюбленное место тусовок местной молодёжи, о чём свидетельствуют следы костров, бутылки и обрывки фантиков от мороженого) по традиции именуется «Олегова могила». Здешняя легенда гласит, что именно на это место пришёл «вещий» объединитель древнерусского государства, дабы увидеть кости коня своего. «И прииде на место иде же беша лежащи кости его голы», – повествует Нестор. «И выступи ногою на лоб; и выкинувши змия изо лба и уклону его в ногу. И с того разболеся и умре». И был похоронен, и над могилой его насыпали курган шириной метров тридцать и высотой десять.

Едва ли это так, ведь Олег задолго до смерти перенёс свою столицу на юг, в Киев, а в последний год жизни добирался и до Константинополя. Но факт, что в кургане был похоронен конунг, и, судя по размерам сооружения, – конунг выдающийся. Легенды путают имена, но сохраняют сюжет и идею истории. Конь ведь тоже не просто легенда: известно, что конунгов хоронили вместе с любимым конём. Может быть, это могила Рюрика?

Здесь, у курганов, мы расположились на отдых над высоким берегом серьёзного Волхова. Здесь место особое: и дышится, и думается здесь по-особому. Как будто нет ни времени, ни пространства, а ты просто летишь в высоту над звёздной рекой, и Олег и Рюрик рядом с тобой, живы, помнят. Спят они со своими дружинами под куполами великих курганов.

С этого места хорошо видна вся Старая Ладога. Успенский собор, крепость, Георгий, Никольский монастырь на дальней, южной окраине посёлка. Ближе всего к нам, на холме, – белый, как сахарная голова, храм Иоанна Предтечи с пятью зелёными куполами и шпилем колокольни. Это – единственная действующая церковь Старой Ладogi¹, сооружение XIII–XVII веков, и при этом не в меньшей степени творение её недавнего настоятеля, отца Евстафия.

Отец Евстафий – колоритная личность, большой оригинал и в настоящем смысле слова подвижник. Говорят, что когда-то он учился на философском факультете ЛГУ. Потом ушёл в монахи. В начале девяностых он взял безнадёжный староладожский приход. Безнадёжный потому, что верующих в Старой Ладoge, кроме нескольких бабушек, не было: был музей и были жители «сто первого километра». И ещё потому, что храм хоть и числился памятником под охраной государства, выглядел настоящей руиной. Помню ещё с семидесятых годов, как стоял он с покосившимися куполами, без крестов, опутанный сетью поседевших от времени строительных лесов, как паутиной.

В середине девяностых я приезжал к отцу Евстафию со своими учениками, старшеклассниками, довольно большой группой. Евстафий поселил нас прямо в церкви, в трапезной, организовав в одном её углу широкий настил из досок. Тогда церковь уже действовала, правда, только маленький придел. Но приход уже сложился, жизнь в храме и вокруг кипела строительством, шевелилась. Стены трапезной были недавно расписаны. Как раз над нашим лежбищем помещалась фреска «Тайная вечеря». За столом благочестиво склоняются Христос и апостолы, а Иуда – с западного, дальнего от алтаря края, сидит, воровато отворачиваясь, прижимая к сердцу мешочек с деньгами. Ещё чуть западнее к стенке примыкает печка, и за печкой изображён бесёнок: чёрно-красными угольными глазёнками он гипнотизирует Иуду и подманивает к себе чёрной лапой.

Напротив этой поучительной фрески, в углу, стоял (и, кажется, до сих пор стоит) предмет не вполне церковный: старинное пианино. Три вечера, что мы провели в гостях у Предте-

---

¹ Сейчас в Старой Ладoge действуют ещё три церкви в Никольском и Успенском монастырях.

ченской церкви, наша девушка играла на нём Шопена и Свиридова. И отец Евстафий в своей монашеской мантии, с длинными, ниже плеч, волосами и худым подвижническим лицом, приходил, садился, слушал, склонившись точно так же, как апостолы на фреске.

Но мы с Торой Евстафия не застали. В трапезной хозяйничали две женщины в платочках. Нам неохотно сообщили, что отца настоятеля отсюда перевели. Куда? Не знают. Видно, не поладил с начальством. Мы отдали поклон и пошли своей дорогой.

На белом коне

Дорога эта, если идти к центру посёлка, проходит мимо Успенского собора, чудного памятника благородной новгородской архитектуры XII века, сквозь строения бывшего Успенского женского монастыря. В нём какое-то время содержалась полумонахиней нелюбимая жена Петра Великого, царица Евдокия. Говорят, что монастырь штурмовал Суворов. Командуя расквартированным здесь Суздальским полком, он однажды затеял озорство: приказал солдатам, якобы ради отработки боевых навыков, штурмовать низенькую (метра два) оградку женского монастыря. Скандал был большой, дошло до императрицы. Утверждают, что именно по этому поводу, в ответ на высочайший выговор, Суворов отшутился: «Тяжело в учении – легко в бою». Двусмысленная фраза понравилась императрице, а Старая Ладога подтвердила свою репутацию буйного, хулиганского места.

От пролома в южной стене монастыря начинается удивительная улица. Она ведёт к центру посёлка, к тому месту, где более двенадцати столетий назад возникло первое поселение при впадении в Волхов речки Ладожки. Никто никогда не скажет про эту улицу, что она – особенная. Домики. Огороды. Куры бродят. В общем-то, кругом бедственный беспорядок, который так любят выставлять напоказ маленькие «населённые пункты» России. На некоторых домах сохранились номера с надписью «Краснофлотская». На других – более новые, с восстановленным дореволюционным названием: «Варяжская». Варяжской эта улица стала называться не со времён Рюрика, а со времён Рериха. С того времени, когда при участии великого художника-световидца в Старой Ладоге были проведены первые раскопки.

А между тем это – самая старая улица Северо-Восточной Европы. И, пожалуй, всей России. Заложенные археологами шурфы показали, что точно так же улица проходила и дома стояли по крайней мере с десятого века. Полагаю, что в жизни этой улицы за тысячелетие мало что изменилось. Разве что три вещи появились: печки вместо очагов, асфальт и электричество.

В крепости, за её отреставрированными стенами и башнями, – чудный Георгиевский собор. Он стоит на самом краю обрывистого берега, похожий на ангела, собирающегося взлететь в светлое небо над Волховом.

Пока мы с Торой ходили по крепости, дяденька, лежащий головой в лопухах, очухался и теперь уже сидел на нашей скамеечке в окружении живописной группы мужчин с несколько одутловатыми и даже чуть синеватыми лицами. В их одежде наблюдалась некоторая случайность – оторванность пуговиц, засаленность пиджаков и брюк, отсутствие отчётливой обуви. Мужчины о чём-то оживлённо разговаривали и что-то выпивали. Существо в юбке, несколько похожее на женщину, переправившись через дорогу, присоединилось к этой компании. Впрочем, ненадолго. Погода по-прежнему была прекрасна, но где-то на краю неба собиралась гроза. Изредка по дороге, пыля, проезжали легковушки. Надо думать, по этой же дороге так пылили транспортные средства в незапамятные времена.

Только что мы вышли из сумрака и холода Георгиевского собора. В его белоснежных стенах, под куполом, под арочными сводами парят ангелы и святые. Силы Небесные на крыльях своих несут небо, уходящее куда-то в подкупольную бесконечность. Праведники и пророки глядят в глубину человеческого существа – неслучайно как: страшно и добродушно.

И из ниши бокового нефа выезжает на белом златогривом коне святой Георгий Победоносец. Тонкий, сильный, гармоничный, нерушимый. И пронзает своим молитвенным копием маленького красного крокодильчика, лежащего у ног его коня. Вечная одухотворённость, невыносимая осмысленность сотворённого Богом мира звучит в тусклых красках и тонких прорисях фресок, в белых стенах и в бесконечно высоком куполе, которым по человеческому счёту восемьсот лет, а по-настоящему нет времени и границы.

И мы с Торой поворачиваем к автобусной остановке и идём пить пиво.

У начала Руси. 2002–2003

Богатырские могилы

Про великие пирамиды Египта знают все. Про то, что самые большие погребальные памятники древних славян расположены в трёх-четырёх часах езды от Питера, знают только специалисты-учёные да местные жители. Есть такая железнодорожная станция в Новгородской области – Передольская. От неё в нескольких километрах, возле дороги, ведущей на Лугу, – огромные рукотворные холмы, прямо-таки горы. Специалисты называют их «сопками». Это и есть древнеславянские «пирамиды».

Попасть туда просто: сел на поезд Петербург – Великие Луки, и через четыре часа на месте. Но нормальные герои всегда идут в обход и при этом совершают множество «открытий чудных». Мы шли кружным путём: от города Луги, райцентра Ленинградской области, до деревни Мерёво, что при дороге Луга – Оредеж. Там, в сосновом лесу за бывшим пионерлагерем, дремлют погребальные сооружения ещё более древние, чем славянские сопки. В них сокрыли своих предков жители дремучих чащоб, народ, именуемый в древнерусских источниках «водь». Говоря по-научному, народ этот принадлежал к балтийско-финской группе финно-угорской языковой семьи. А если сказать по-простому, старинная водь состояла в близком родстве с нынешними эстонцами, ижорцами и вепсами.

Древнее население нашего Северо-Запада было неоднородным по этническому составу и по образу жизни. Архаичные угро-финские племена жили в лесах, в стороне от рек и озёр, в убогих с виду хижинах-полуземлянках, топившихся по-чёрному, крытых дранкой, а то и хворостом. Лес давал им пищу и все нужные для жизни материалы. Земледелие их было тоже лесным: в школьных учебниках оно определяется как «подсечно-огневое». Расчищали участок в лесу, потом его выжигали, а потом, через год-другой, когда образуется насыщенный золой и органикой почвенный слой, рыхлили и засевали. Процесс очень трудоёмкий, но обеспечивавший хорошие урожаи. Своих мёртвых древние лесные земледельцы хоронили в сосновых борах, светлых и сухих. Могилы, столь же скудные, как и жилища, окапывали неглубоким рвом; сверху делали невысокую насыпь. Такие сооружения встречаются в сосновых лесах Псковской, Новгородской областей, на юго-западе Ленобласти. Посетитель леса, грибник или отдыхающий, скорее всего, не заметит их, а если и заметит, то едва ли догадается, что перед ним древняя могила.

Славяне начали проникать на эти земли в VIII веке и заняли иную экологическую нишу – по берегам рек и озёр, в плодородных поймах и поозерьях. Лет триста, если не больше, те и другие жили бок о бок, по-видимому, не смешиваясь или почти не смешиваясь между собой. И погребальные сооружения славян, куда более приметные, нежели угро-финские, расположены всегда на открытой местности или в невысоких лесочках поблизости от воды.

С X–XI веков ещё два типа погребений появляются в этих краях: варяжские, богатые сопроводительным инвентарём, и христианские, похожие на наши, современные. Их появление свидетельствует и о движении скандинавов-варягов, и о наступлении высокоразвитой культуры – византийско-христианской. Из смешения всех этих компонентов и образовалась Древняя Русь. На пути от Мерёва к Передолу – это километров 40–50 – есть памятники всех четырёх типов. Интересное место: граница Ленинградской и Новгородской областей, граница культур, эпох, племён...

В том, что это граница настоящая, а не выдуманная, мы убедились скоро. От Мерёва (это ещё Ленобласть) нам надо было пройти к деревне Чёрной Новгородской области, откуда путь лежит на Удрай – Батецкую – Передол. Карта уверяла нас, что тут есть дорога, через лес,

километров двенадцать. Мы пошли по карте. На опушке леса, где дорога разветвлялась на непредвиденные нити, работали трактористы. Подхожу, спрашиваю, как пройти на Чёрную.

– Какую Чёрную? Тут никакой Чёрной нет, – говорит один.

– Не, – перебивает другой, – есть такая Чёрная, там, за лесом. Но вам туда не пройти, там – мох.

«Мох» по-местному значит «болото». Мы всё-таки рискнули, пошли дорогой, что вела в лес – и с ней произошло то, что часто случается с дорогами в России: она стала исчезать. Колея потерялась в подлеске; появились лужи, кочки... И мы, действительно, попали в «мох». Вот, оказывается, какова граница между Ленинградской и Новгородской областями. Её не выдумали, она есть, и была всегда, и представляет собой полосу чащ и болот, настолько труднопроходимую, что жители деревни Жеребут Лужского района Ленобласти имеют о деревне Чёрной Батецкого района Новгородской области представление такое же смутное, как о Тридевятом царстве. А расстояние-то всего – 12 километров.

«Мох» мы всё же преодолели. Правда, с пути сбились и в топь попали. Видно, эта дорога существовала издавна, да была заброшена. Местами на болотах попадалась старая, прогнившая гать. Местами – открытые участки посередине леса, со следами вспаханных борозд. Прошли мы несколько чащоб и опушек, несколько болотистых полос. Змеи выползали нам навстречу, на болотные кочки. Они, видимо, служат тут хранительницами границ – со времён князя Олега. В конце концов замаячили впереди столбы электропередач и крыши домов деревни Чёрная. Мы вышли в страну Новгородскую. На верхушке старого засохшего дерева, что напротив колодца, при главной деревенской улице – тележное колесо; на колесе – гнездо, в гнезде аист. Это тоже географическая примета: севернее границы с Ленобластью аисты почему-то не гнездятся².

От Чёрной довольно далеко топать до деревни Удрай. Заночевали на полпути, при озере дивной красоты. Название этого места, наоборот, Белая. И рядом, во влажном и низкорослом лесочке, прячется творение древних: искусственный холм, служивший некогда крепостью для жителей окрестных селений. Такие укрепленные холмы существовали в дославянские времена. Учёные определяют их как городища-убежища. Но, честно говоря, побывав там, я проникся убеждением, что они играли не только оборонительную, но и культовую роль. Уж больно высока трава вокруг, больно обильно цветение, больно широки магические листья папоротников. Таинственное, колдовское место. Не иначе – справляли тут древние лесовики – воль – свои загадочные обряды-волхования.

А в Удрае – памятники другого рода. На окраине деревни высится славянская сопка. Неподдалёку от неё – странный погребальный комплекс, раскопанный питерскими археологами лет двадцать назад. Он не похож ни на славянские, ни на угро-финские могильники. Под насыпью – каменные стены-выкладки, оружие в погребениях. Попадают вещи с христианской символикой, например, так называемые змевики: металлическая бляшка, на которой с одной стороны изображён крест, а с другой – змея. Очевидно, это могильник смешанного славяно-варяго-христианского происхождения. Между прочим, один из древнейших погребальных памятников Северо-Запада, свидетельствующий о распространении здесь христианства и о становлении государственной власти.

Кажется, здесь откопали археологи нетленные мощи: часть женской руки в серебряном змеевидном браслете. Серебряная змейка сохранила кожные ткани от разложения. Удрай – место змеиное. Когда здесь работали археологи, то, помнится, к концу сезона, при снятии лагеря, в каждой палатке обнаружили по змее. Ползучие гады вели себя тихо, тактично. Никого не кусали. Не шумели. Право же, идеальные соседи.

---

² И тут перемены: за последние годы граница гнездования аистов продвинулась к северу километров на пятьдесят-семьдесят. Потепление!

До станции Передольской мы добрались уже ночью, впотьмах. Впереди и внизу заблестела река Луга. Прошли кладбище. Слева на опушке леса что-то огромное выдвинулось из ночной тьмы. Древнеславянское погребальное сооружение. Сопка Шум-Гора. Самая большая во всём славянском мире.

Действительно, сооружение, сравнимое по размерам с египетской пирамидой средних размеров. Высота её – около пятнадцати метров. Диаметр – метров семьдесят. Насыпана ступенчато – уступом. На уступе растут высокие деревья. Склон крутой, карабкаешься наверх пыхтя, а спускаешься едва ли не кубарем. Где-то посередине этой мощной земляной насыпи были сокрыты останки умерших вождей. В те времена славяне покойников своих не зарывали в землю, а сжигали. Пепел помещали в большие керамические сосуды, а сосуды закладывали в середину земляного кургана. Конечно, совершалось всё это в ходе непростого и, судя по размерам курганов, длительного погребального ритуала. Сама сопка строилась надёжно, прочно. В основе её сооружалась каменная конструкция в виде кольца со сложным внутренним рисунком. Возможно, это был символ солнца, или мироздания, или загробного мира. Это же каменное кольцо держало насыпь, не позволяло ей развалиться. При создании кургана, при свете погребальных костров, совершались поминальные пиршества – тризны.

Впрочем, славянское это сооружение или скандинавское – сказать трудно. Видимо, оно было построено уже тогда, когда оба компонента слились в один, именуемый Русь. Похоронен в нём был какой-то великий витязь. Местные жители, конечно, верят, что это сам Рюрик. И утверждают, что если приложить ухо к камню, лежащему на вершине Шум-Горы, можно услышать звон. То звонят колокола города, ушедшего под землю.

Создатели передольских «пирамид», или их близкие потомки, жили неподалёку. В соседней деревне сохранились остатки городища, которое археологи датируют X–XII веками. Это поселение, типичное для эпохи образования Древнерусского государства. Большой холм, на вершине которого – остатки земляных валов; когда-то был и частокол. Внутри, по-видимому, находился центр княжеской администрации. В те времена такие центры называли «погостами». Княжеская власть была чужой, внешней, её носители – чужаки, «гости»; отсюда и название – «погост». У подножия холма и под защитой расположенной на нём мини-крепости – селение, «посад». Земля тут чёрная, в отличие от окружающих серо-подзолистых почв: это многовековой культурный слой. Возможно, что это селение над рекой Лугой, на месте коего сейчас тихой жизнью живёт деревушка Подберезье, основала сама княгиня Ольга. В древней летописи сказано, что она «устави по Мсте повосты и дани и по Лузе оброки и дани», то есть установила погосты по рекам Луге и Мсте.

Километрах в пятнадцати выше по течению Луги – ещё одно городище, у деревни Косицкое. Холм выше и просторнее, чем в Подберезье. Места, как видно, издревле густо населённые. Правда, река Луга за столетия сильно обмелела. Глядя на её заросшее водной травой русло, хочется представить, как по тёмной воде проплывала длинная лодка, а в ней на помосте рядом с гребцами сидела женщина в длинной, шитой золотом одежде, в шапке и платке, с суровым, властным лицом. Княгиня Ольга.

Лирика и эпос Славенского озера

Таинственное и прекрасное место – район озера Самро, что между Сланцами и Лугой. Один из тех краёв, куда надобно не идти или ехать, а «попадать».

Вот когда бродишь с рюкзаком по олонецким, вологодским или там карельским долам и весям, то обращаешь внимание: местные жители не говорят «идти»; они говорят «попадать».

– Здравствуйте, скажите, как бы мне на Сидозеро добратсья?

– Сидозеро? Сидозеро! Далёко. Это так попадать надо...

Даже есть у них такое слово: «попажа»:

– Ой, туда худа попажа! Километров сорок, и всё мох (т. е. болото)... Разве зимой только...

На Самро раньше ходил автобус из Питера, три, кажется, раза в неделю, а теперь – не знаю, ходит ли. Другой путь: на лужской электричке в Толмачёво, оттуда ехать до посёлка Осьмино на автобусе, а там ещё на автобусе, местном, или на попутках до деревни Самро, покоящейся на заросшем тростником берегу обширного озера. Однако интересно выйти, не доезжая километров двух до Самро, на остановке «Полоски» и, пройдя немного назад, свернуть с трассы по мирной полевой дороге. Там недалеко увидите несколько странных холмов посреди густых зарослей, образовавшихся на заброшенном поле. А дальше – лесочек. А в лесочке – озеро прячется, маленькое, продолговатое, невероятно тихое.

Холмы эти – погребальные сооружения древних славян. А озерцо так и именуется до сих пор: Славенское. Рядом с ним славяне поселились очень давно, придя сюда почти тысячу лет назад, о чём свидетельствуют изученные археологами фрагменты древнего поселения. И сопки тоже – наследие тех времён.

Всё кругом странное, загадочное, по крайней мере вечером, в сумерках. Как-то раз шёл я по этому полю, свернув с грунтовки к берегу озера. Прозрачный вечер после прекрасного светлого июньского дня. Вдруг – как-то стремительно, минут за пять-десять – небольшая тучка, висевшая в небе у меня над головой, спустилась и легла на поле. Сопки мгновенно потонули в тумане, исчез и край леса, и вообще все ориентиры. В плотной влажной мгле ничего не видно стало на расстоянии вытянутой руки. Высокая трава мгновенно намочила, как после проливного дождя. Я брёл в ней, спотыкаясь, не ведая куда, будто по пояс в воде. К счастью, скоро упёрся в склон сопки, от которой до палаток наших, стоящих на краю леса у озера, оставалось метров двадцать. Доковылял.

Между прочим, исследовали сопки и древнее поселение у Славенского озера – дети. Не простые дети, конечно, а «археологические». В восьмидесятых годах здесь работала экспедиция археологического кружка Ленинградского дворца пионеров под руководством двух прекрасных археологических дам: Тамары Жегловой и Надежды Платоновой. Из того поколения кружковцев-экспедиционников несколько человек выросли в профессиональных археологов. Так что раскопки у заколдованного озера велись с юношеским энтузиазмом, но на солидном научном уровне.

Лет десять назад в Питере в издательстве Академии общественных связей вышла любопытная книга – «Археология и не только». Речь в ней – об истории дворцового археологического кружка, основанного совсем тогда молодым археологом Алексеем Виноградовым в 1970 году. Об экспедициях – в Ленобласть, в Хакасию, в Туву, в Казахстан, в Монголию, во Францию... И обо всём множестве культурных и социальных явлений, которое из этого кружка выросло. Есть там и воспоминания об экспедиции на озёра Славенское и Самро. Глубже всех, наверно, прониклась духом здешних холмов и перелесков Тамара Жеглова. Про Славенское озеро и лес вокруг него рассказывает она очень точно:

«Место это было какое-то странное, в сумерках становилось жутковато. Курганы, заросшие высоким сочным папоротником, толстые старые берёзы. На противоположном берегу длинного и очень узкого озера находился почитаемый родник. Ветви всех деревьев на подходах к нему были увешаны обрывками разноцветных тряпочек. От родника по берегу вверх тропинка выводила к средневековому каменному кресту, стоявшему в зарослях возле жальника³. Комплекс, который исследовался, включал в себя длинные курганы и древнерусские погребения. По склону тянулась скудельница – средневековая братская могила».

Почтение к месту сему было пронесено окрестными жителями через Средневековье (чему каменный крест свидетель) и сохранилось до сих пор: ленточки, навязанные на вет-

---

³ «Жальниками» называют древние поминальные сооружения в виде небольших каменных выкладок.

ках у родника, трепыхаются на ветерке и ныне. Чтобы попасть к святому источнику от того места, где раньше стоял археологический лагерь, нужно в замшелой чёрной лодке-долблёрке пересечь абсолютно неподвижную поверхность озера. Набрать родниковой воды и вернуться. Чтобы в наступающей – как бы выползающей из чащи – ночной тьме разглядывать бесчисленные огоньки светляков.

В нескольких километрах от Славенского озера у лесной дороги на пригорке – часовня. Её сторожат огромные ели, возвышающиеся своими тёмными головами над окрестным лесом. Несколько лет назад часовня стояла заколоченной, крест на ней покосился. Теперь она отреставрирована, крест поправлен, на окошках занавески, сквозь которые видны иконы.

Святость прорастает сквозь время.

Тиверские броды

Кто бы подумал, что в такие дебри можно забрести на Карельском перешейке, в семи-десяти километрах от Северной столицы! Шли по дороге, хорошей, торной; прошли мимо жилья, затерянного в лесу. Около сарая, почуяв нас, забегала, твякая, собачонка; невзрачного вида мужичок замахал в нашу сторону руками и прокричал что-то невнятное. И вот после этой встречи дорога стала исчезать.

Существует мнение, в роковой ошибочности коего убеждаешься всякий раз, когда отправляешься пешком по лесам и полям родного Северо-Запада. Якобы каждая дорога куда-нибудь ведёт. Дороги в наших дебрях сплошь и рядом имеют обыкновение из торных и ухоженных постепенно превращаться в узкие тропки, теряться среди деревьев и болот, пропадать самым неожиданным образом. Так оно и тут случилось. За хутором путь сначала был широк; по краям виднелись даже остатки старых дренажных канав. Потом дорогу пересекла полузаросшая просека, за которой виднелся широкий просвет. Мы упёрлись в старую вырубку. Если кто не знает, что такое старая вырубка, объясняю: это пространство, ухаби-стое от полуразвалившихся пней, заросшее мелколиственной растительностью так плотно, что сквозь неё нужно продираться, напрягая все силы. А по краям вырубки – полосы заболоченной земли, нагромождённые вдоль и поперёк полусгнившие стволы поваленных деревьев. В этой заросли дорога потерялась окончательно.

Рискуя поломать ноги, перебрались через замшелые лежащие еловые стволы. Дебрь глухая, никакого признака человека. А это что? Несколько десятков мощных деревьев растут в ряд, как по линейке вытянулись. Так обсаживали дороги, ведущие к жилью, довоенные владельцы здешних хуторов – финны. Действительно, за хвойными рядами – холм; при ближайшем рассмотрении – фундамент. По размерам судя, не хутор, а хозяйственное строение. Вокруг ограда выложена из массивных валунов. Всё заросло травой и кустарником, черёмуха и несколько корявых яблонь выглядывают. Финны обязательно сажали черёмуху рядом со своими постройками.

Конечно, сюда и вела когда-то обозначенная на карте дорога. Но теперь её нет, порвала свою нить Ариадна. Надо идти назад. Повернул, пять шагов сделал... Вот это есть не что иное, как свежий след медведя. Да уж, не думал, что в двадцати километрах от станции Громово водятся такие звери! Стало сразу как-то неудобно: медведь явно где-то близко, след его свеж. В общем, отступать надо, продираться сквозь вырубку обратно к тому покосившемуся жилищу со стариком и собакой.

В сии места мы отправились не просто так, а ради исторической науки. Дело в том, что как раз здесь, по реке Вуоксе, по её извилистому течению между современной деревней Васильево и Приозерском, проходила когда-то государственная граница, разделявшая русские и шведские владения на Карельском перешейке. Место это было оживлённое. По крайней мере, с XI века через реки и озёра перешейка пролегал бойкий торговый путь,

ответвление того, знаменитого, «из варяг в греки». Соперничество за владение этим путём между новгородцами и шведами началось тогда же. Всех подробностей борьбы мы не знаем; известно, что по договору 1323 года удалось перешеек поделить: восток, прилегающий к Ладожскому озеру, остался за Русью; приморский запад – за Швецией. К этому времени здесь уже существовало русское население, и, судя по археологическим данным, количественно сравнимое с исконным карельским. Так что неправы те, кто считает территорию Карельского перешейка как бы нерусской: славяно-русский этнический компонент появился здесь тысячу лет назад – срок, достаточный для того, чтобы обжиться.

Мир, заключённый в 1323 году, оказался недолговечным. Борьба, проявлявшаяся во взаимных набегах и пограничных стычках, вскоре возобновилась. Шведы наседали, новгородцам приходилось туго. После 1478 года, после присоединения Новгорода и всех новгородских владений к Московскому государству, в дело вмешался великий государь Иван Васильевич. Москва перехватила инициативу. Несколько лет продолжались военные действия на Выборгском направлении. По новому мирному договору граница – на следующие сто лет – пролегла по Вуоксе; шведскому Выборгу противостала крепость Корела (нынешний Приозерск). А в одном из самых узких мест Вуоксы в качестве передового форпоста было поставлено земляно-каменное укрепление, именуемое в русских источниках Тиверским городком, или Тиверском. Место для этой крепостцы было выбрано подходящее: здесь Вуокса, сжимаясь в ширину, делает крутой поворот: проходящие по реке лодки никак не минуют каменистый холм, на котором стояло укрепление. Здесь же, чуть ниже по течению, есть броды, по которым Вуоксу удобно переходить. Тиверский замок контролировал водные и сухие пути на подступах к Кореле.

Современная асфальтовая трасса Громово – Мельниково перерезает развалины Тиверска буквально пополам. Вон Вуокса, мост; за мостом – деревня Васильево; перед самым мостом – полянка; на полянке небольшой памятный знак. Справа и слева от асфальта невысокие валы расходятся, образуя вытянутый в восточно-западном направлении овал. В нескольких местах каменная кладка расчищена от земли (следы археологических раскопок), видно даже некое подобие казематов. С северной стороны валы переходят в крутой каменистый откос берега: внизу среди деревьев шумит Вуокса. Вот вам и Тиверск.

Эта крепость простояла лет двести. Впервые упоминание о ней встречается в летописи под 1404 годом; спустя семь лет её разрушили шведы; потом, уже при московских властях, пришлось отстраивать заново.

XVI столетие было временем активной русской колонизации Восточной Прибалтики и Приладожья. Под защитой тиверско-корельской укрепленной линии появлялись русские деревни. К концу века на русской половине Карельского перешейка насчитывалось более десятка церковно-административных единиц – погостов; православное население достигало двух-трёх десятков тысяч человек – русских и карелов; финнов-суоми и тавастов-ям и («сумь» и «емь» русских летописей) было совсем немного. В конце Ливонской войны и потом во время Смуты земли эти были завоёваны и сильно разорены шведами. Уничтожено свыше двадцати православных церквей. Почти всё уцелевшее русско-карельское население ушло, его место заняли лютеране-финны. С этого времени Карельский перешеек стал частью управляемой шведами Финляндии. Когда по Ништадтскому миру, увенчанному в 1721 году Северной войной, территория Ингерманландии (в том числе и Корела) были возвращены под скипетр русского царя, здесь уже полностью господствовало финское население и финское хуторское хозяйство. Корела, переименованная в Кексгольм, ещё лет сто служила России в качестве крепости, а Тиверск восстанавливать не было надобности. Тем более что Вуокса обмелела (особенно после того, как её воды прорвали гранитную перемычку у нынешнего Лосевского порога, излюбленного места петербургских байдарочников) и сделалась несудоходной. Развалины замка заплыли землёй, заросли травкой и кустарником.

От бывшей крепости, от моста у деревни Васильево, грунтовка идёт так: с одной стороны берег Вуоксы; с другой почти сплошной линией новенькие дачи за высокими заборами. Интересно живёт Россия: всё жалобы на бедность, а посмотришь – кирпичные и брусовые палаты как грибы растут, и не только в двух шагах от города, а всюду. И вот, оторвавшись от последнего «новорусского» строения километров на десять, мы попали в непролазную глушь с медведями.

Того деда, что махал нам рукой, мы теперь нашли на лужайке. Он пас коз, а точнее, просто лежал, растянувшись на травке. Три козлёнка прыгали вокруг него, как собачки. Мы подошли, поздоровались, сели, закурили.

– Не, там дороги нет, ёлки, куда вы пошли, вот оно. Была, ёлки, когда-то, а теперь, вот оно, не пройдёте. Вам, вот оно, как идти надо...

И довольно-таки путано стал объяснять. Рассказал и о медведях, которых поселили здесь, в заказнике, несколько лет назад. И об артистах, банкирах и прочих знаменитостях, приезжающих в эти места отдохнуть да расслабиться. Он – егерь, а заодно и сторож при доме и бане («во-он, ёлки, у реки, видите, там и сауна, и пристань»), где расслабляются артисты. Видно, дедушка соскучился по собеседникам, а может быть, и выпил. Пока шёл разговор, козлята принялись прыгать на нас и щипать шнурки ботинок, принимая их за веточки.

Мы двинулись указанным егерем путём; прошли мимо барсучьих нор, выбрали к Чёрному Камню. Тут на заросших мхом и брусникой валунах росли дремучие ели. Вышли к берегу Вуоксы, совсем узкой и тёмной. Вот и Тиверские броды (полузаросшая колея съезжает с крутого откоса прямо в воду, выныривает на противоположном берегу); тут видели лису. В холодных сумерках поставили палатки у развалин ещё одного финского хутора, под ветками огромных молчаливых черёмух. А когда ледяным и солнечным утром потопали снова по тропе, то первое, что увидели на глинистом грунте – следы медвежьих лап. Широкая пятерня с острыми и длинными отпечатками когтей.

Ожерелье Свири. 1999–2002

Свирская святость

...Свирь. Суровая река. Места здесь безлюдные. Возле деревни Горка река широка, и волны на ней нешуточные. Способ переправиться один: встать на берегу и кричать через реку, пока не услышат на том берегу, пока не отплывёт оттуда лодка. На лодчонке, до края загруженной рюкзаками и людьми, гребли мы поперёк Свири, как настоящие варяги. За изгибом воды чувствовалось холодное спокойствие Ладожского озера. Переправились. От Горки, от Нижнесвирского болотного заповедника, где гнездятся птицы, идёт дорога на Олонец. На этой дороге, в углу между Свирью и современным Мурманским шоссе, – Александро-Свирский монастырь. Вернее, два монастыря: Троицкий и Преображенский.

Расположенное на пригорке каре монастырских построек смотрится в небольшое сильно заросшее Святое озеро, в котором купаются и удят рыбу хмурые жители посёлка Свирская Слобода. Над строениями монастыря доминируют шатры и купола: массивный Троицкий собор семнадцатого века; ранняя Покровская церковь, чьё лёгкое, воздушное навершие покоится на тяжком параллелепипеде основного объёма; сказочная трёхшатровая звонница. Камни эпохи Елены Глинской и Бориса Годунова. В стенах Троицкого монастыря ещё недавно гнезился сумасшедший дом. Содержались здесь шизофреники и алкоголики из двух районов: Лодейнопольского и Подпорожского. Когда в конце девяностых явились сюда православные, восстанавливать обитель, – им пришлось делить территорию с психами.

Как раз во времена этого странного сосуществования, лет десять назад, проходил я дорогой из Горки в Свирскую Слободу. Зашёл и в монастырь, где божьи люди уже деятельно восстанавливали храм, а в бывших братских корпусах коротали дни их тихие и буйные соседи. Познакомился я с одним скорбным. Захожу в пустынный монастырский двор с намерением попасть внутрь Троицкого собора, посмотреть фрески. Ни души; собор заперт на внушительный замок. Вижу – идёт человечек, маленький, щупленький, с удочкой; физиономия небритая. Обратился к нему: как попасть в храм, спрашиваю. Человечек засуетился:

– Это к старосте идти надо. Церковь-то теперь действующая.

– А батюшка есть?

– Батюшка есть, и монахи. А ключ у старосты. Как же, я его знаю. Меня тут все знают. Пойдём, отведу, недалеко живёт.

Пошли. По дороге человечек не умолкал:

– У меня просьба будет... Теперь медаль на рынке сколько стоит? Ты купи, когда в следующий раз приедешь – привези. Я ж танкист, в Афгане воевал, у меня вообще-то все медали есть, вот только «За отвагу» потерялась... Мне без этой медали никак. Я-то вообще подводник... Воевал в Анголе. У меня и мундир есть парадный, с орденами. Я на истребителе летал. Меня здесь все знают. Я-то вообще генерал, тут меня так и зовут – Генералом.

И уже на прощанье, когда мы возвращались в монастырь в сопровождении степенного бородатого церковного старосты, мой Вергилий совсем просительно добавил:

– Слушай, у меня к тебе ещё просьба будет. Ты мне две тетрадки привези. Простые школьные. А то они мне здесь бумаги не дают. А мне писать надо. Я очень хорошие стихи пишу. И рисую. В этой церкви это всё я рисовал, меня батюшка попросил; там всё, что нарисовано – это я. Я – на третьем отделении, палата два. Ты там оставь. Так и скажи: для Генерала. Меня там все знают.

Староста отпер собор. Всё внутреннее пространство его покрыто фресками, творением мастера Леонтия Маркова, современника Петра Великого. Но фрески не в петровском духе,

а писанные по старине. И много, много в них о конце света, о сатане и о мелких, одолеваяющих человека, бесах. Замечательна эта роспись своим мистическим символизмом, выразительно-напряжённым изображением борения в человеке Духа Божия со злыми чёрными духами разрушительных сил. Как будто, иллюстрируя Священное Писание, имел Марков перед собой слова Мити Карамазова: «Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы – сердца людей».

Свирский монастырь возрождается. А километрах в сорока от него прекрасная деревянная церковь пророка Елисея на Сидозере разрушается, и местные жители растаскивают её на стройматериалы. Неровён час, спялят её из озорства. Спалили же – так, по случайности – две деревянных церкви в селе Волнаволок на Пидьмозере, в полусотне километров отсюда. А вот неподалёку от монастыря, у самого Мурманского шоссе, строится часовня, и строит её один живущий при ней – отнюдь не монах, не отшельник. Обыкновенный человек, имени которого я не ведаю, владелец дома, участка и огорода. Строитель.

И в деревне Горка, что на самом берегу Свири, уже стоит часовня.

...Бориса Петровича Пинегина трудно было назвать подвижником. Не знаю даже, часто ли он бывал в церкви, и вообще бывал ли. Питерский инженер, любитель выпить и на все руки мастер, он в начале девяностых купил дом в деревеньке Горка. Пожил там года два-три. И понял, что надо часовню ставить. И начал ставить. Ни денег, ничего у него не было. Собрал он команду, по преимуществу молодых, студентов, археологов и художников, приятелей своей дочери, художницы Кати, и начал с ними работать. Откуда-то взяли стройматериалы. Кто-то составил проект. Каждое лето ездили строить – и «оттянуться» на природе заодно. Был и я там со своими учениками. И мы поработали: перетаскивали семиметровые брёвна, потели, заедаемые слепнями, обжигаемые солнцем. Хорошо было.

Как не вспомнить! Как-то по дороге из Вруды в Копорье (это запад Ленобласти) набрали мы на остатки усадьбы Раскулицы. Корявые деревья старого барского парка доживают здесь свой век над живописным лугом, спускающимся к запущенному пруду. Место тихое и просветлённое. По гребню холма стелется дорога, а над ней, красным контуром на фоне бесцветного неба, – руины церкви. У этих стен – родовое кладбище баронов Корфов и баронов Врангелей.

Было – кладбище...

Как будто гигантские кроты работали вдоль и поперёк у разбитой церковной ограды. Тяжкие, многотонные базальтовые и мраморные плиты сдвинуты, выброшены, перевёрнуты, расколоты на куски. Обнажившиеся под ними кирпичные своды склепов проломлены, как черепа, и внутренности их зияют чёрными, не заросшими ещё, дырами. В едва пробудившейся майской траве под сухими трубками прошлогодней сныти – полусгнившие доски, выброшенные из могил. Работали кроты тщательно, с размахом. Ни одно надгробие не было пощажено. Могильные камни – иные треснули при стаскивании, другие были разбиты просто так, ради удовольствия. Там, где к склепу всё ж было не подобраться – рыли сбоку. Рыли, видно, экскаватором. Склепы разбивали, надо думать, отбойными молотками. Всё это сотворилось недавно: ямы не успели ещё основательно заплыть землёй.

Я заглянул в церковь. Битый кирпич и штукатурка. Надписи на стенах. Небо в дырах окон, в провале купола. Всё как везде, как в тысячах русских разрушенных церквей. Специально её не ломали. Специально долбали могилы. Понятно: ордена, оружие, перстни, кресты, золото. Бароны Корфы, бароны Врангели...

Ох, русские парадоксы! Чёрные дыры склепов – и просветлённое небо над лугом и прудом... Неподалёку в деревне восстанавливается часовня, и кто знает, может быть, её строители живут с опустошителями склепов в одной деревне, в соседних домах. Между ними нет

войны и схизмы. Думаю, что они нередко выпивают вместе за одним столом. Просто – те и другие делают своё дело. Как ангелы и бесы.

Да, дух бодр, а плоть немощна. Зачем нужна часовня в деревне Горка? Ни за чем. Просто в ней вдруг сконцентрировался для пожилого человека весь смысл бытия. И он передал этот смысл своим молодым соратникам. Зачем существуют на земле церкви, могилы, усадьбы, кресты и купола? Ни за чем. Они всего-то – придают жизни смысл, без которого жизнь равна смерти; без которого она – опустошение.

А счастья земного это дело никому не принесло. Умер Борис Петрович. Последний раз я видел его, худого, бедно одетого, небритого, пьяненького, на похоронах молодого его товарища и сподвижника по горкинской стройке. Так вот: за один год умерли два бескорыстных и неизвестных строителя места святого. Сергей и Борис.

Бориса Петровича похоронили в Горке. Где храм человека, там и его родина. «Где сокровище ваше, там и сердце ваше будет».

Подпорожское кольцо

Тысячу лет назад реки были единственными дорогами в бесконечном мире непроходимых лесов. По ним, по Свири, Паше, Ояти, Сяси – сюда пришли наши предки-славяне. Теми же путями распространялась государственная власть: разбой варяжских конунгов, собратьев Рюрика и Синеуса, сменился постоянным державным гнётом киевско-новгородских князей. Гнёздами их администрации стали укрепления-погосты; после крещения они же сделались и центрами церковного просвещения. Поэтому древние храмы русского Северо-Запада, как прибрежные растения, возносят свои вершины по берегам рек, как бы из плодоносного единства земли и воды.

На Свири, при впадении в неё речки Важинки, в пяти километрах от райцентра Подпорожье – село Важины, Важинский погост. Мы шли сюда от Александро-Свирского монастыря лесами и болотами, и это было непросто. В первый день попали под ливень, озаряемый тройной радугой; на второй день сбились с пути в лесу. Тут лес настоящий, дикий, карельский, северный. Дороги, проложенные в нём зэками в период строительства Нижнесвирской ГЭС, так заросли кустарником, что местами сквозь него не продрагаться. Полосы болот, перерезающие путь, заставляют идти, проваливаясь порой выше колена в чёрную воду. Иногда попадаются и настоящие топи, такие, что двухметровым шестом не достать дна. Заблудиться, пропасть в этом первобытном лесу – ничего не стоит. Огромные еловые стволы, просветы топей, мясистые папоротники, и со всех сторон ровный, удручающе-безнадёжный комариный гул. На третий день мы очутились на острове. Нас закинули на этот высокий каменистый берег не очень трезвые речники, с которыми мы свели знакомство у Нижнесвирской плотины. Остров оказался соединён с берегом узкой и совершенно заболоченной перемычкой. Весь он был перерыт траншеями Второй мировой и усыпан каменными жальниками – могилами древних людей. По острову водила нас неведомая сила: пересекли его насквозь за пять минут, но обратно кружили больше часа. И так – трижды. А потом ударил град, какого я не видывал в жизни: градины размером с голубиное яйцо колошматили, пока не вышло солнце и не встала радуга.

По болотному перешейку, проваливаясь в торфяную жидкость выше пояса, выбрались с заколдованного острова и на пятый день подошли к Важинам.

Важинский погост, известный по летописям с тринадцатого века, сейчас представляет собой церковь и кладбище на мыске, образованном мелкой, каменистой Важинкой и спокойной Свирию. И церковь и кладбище уникальны своей живой древностью. На досках иконостаса читается надпись: «Л#та 7138-го сентября 26-го дня совершень бысть сей храмъ Вос-

кресения Господа нашего Иисуса Христа при Благовещном Царь и Великом Князе Михаиле Еодоровиче». Важинская церковь Воскресения Христова – единственная в мире постоянно действующая деревянная церковь семнадцатого столетия. Перестраивалась, но не разрушалась и не была закрыта даже в безбожные советские времена. Святость места сего не прерывалась. И непрерывность этого луча соединяет здесь человека с вечностью.

Ощущение света вне времени охватывает, когда видишь издали её приземистый десятирник с куполом и шестигранную колокольню со шпилем. Переходишь по мосту порожи-стую Важинку (раньше на месте бетонного был старый мост, ветхий, деревянный) – и попадаешь в мир всеобъемлющей тишины, вечного покоя. Навсегда исчезают за лесистыми холмами окружающих берегов кирпичные дома современного посёлка, трубы котельных, автобаза, заборы складов при железнодорожной станции. Остаётся – вечность. Деревенка притулилась к кладбищенской ограде из замшелых валунов. Древние могилы наполовину ушли в землю. И церковь в их окружении тоже кажется замшелой, вросшей в каменистый грунт – и в тоже время лёгкой и светлой, как небо, сошедшее на землю. И она живёт. Отворив покосившуюся дверь, входим внутрь. Запах старого деревенского дома. Светлое пространство восьмигранника, уходящее вверх под купол. Иконостас, резьба, иконы тёмные, старого письма.

Батюшка был занят: в углу трапезной гладил электроутюгом рясу. Встретил нас недружелюбно: грязные и чёрные от пятидневных лесных блужданий, мы мало похожи были на благочестивых паломников, да и на туристов тоже. Впрочем, после объяснений он смягчился и даже, чувствуется, был рад визиту. Позволил фотографировать в церкви. Посетовал на лихих людей и грабителей. Пригласил ещё приезжать. Приход у него большой и работы много. По Свири и её притокам сохранилось ещё несколько таких погостов, но ни одна из церквей не действует.

По Важинке вверх – погост Согиницы, тоже с церковью семнадцатого века. Её серебристо-серый тесовый шатёр гениально венчает перспективу всхолмленной речной долины. И за Согиницами дальше, как по огромному кольцу, расставлены деревянные церкви и часовни: Заозерье, Посад, Волнаволоок, Сидозеро... Из них иные живут, иные разрушаются. В Волнаволоке запущенный, бесхозный погост с двумя церквями сожгли в 2004 году какие-то рыбаки... Разрушение, увы, столь же закономерно-непоправимо, как заболачивание озёр или вырубка на месте лесного пожара. Здесь меняется ландшафт – и место человека в этом ландшафте.

Между прочим выяснилось: тут невозможно ходить по карте даже десяти-пятнадцатилетней давности. Карта рисует дорогу – а перед путником стеной стоит непроходимая дебрь. На карте зелёный лес, а на местности – новопроложенное широченное шоссе. И деревни, обозначенные как нежилые, на самом деле живут: дворов в пятьдесят, и всюду люди огородничают, и скотину держат; и молодёжь рядом тусуется, и дети бегают. Негде палатку поставить; все пригодные места обжиты, используются. Бывает: только палатку раскинешь – появляется человек, как из-под земли, и вежливо просит убраться с его частной собственности.

Идёт процесс: обратное заселение земли. Своеобразное заселение.

В Согиницах разговорился я со старухой: она двадцать какого-то года рождения, стало быть, многое помнит. Спрашиваю:

– Церковь у вас чудная, чего ж не сделать её действующей?

– А кто, – говорит, – в неё ходить-то будет? Народу не осталось.

– Как это – не осталось: вон, по всем дворам живут, и новые строят!

– А это всё на лето приезжают. Раньше с шести деревень в нашу церковь ходили, и было в этих деревнях тысячи две народу.

– А теперь?

– А теперь круглый год человек шестьдесят живёт.

На месте коренных двух тысяч – постоянных шестьдесят, а сезонных – около шестисот. Но летние жители подпорожских деревень – никакие не дачники. На земле они работают, с земли кормятся. Хотя и с городом не порывают. Формируется новый хозяйственный уклад: своего рода кочевое земледелие. Летом овощ растят, птицу разводят, коров держат. Зимой птицу и скот на мясо сдают или на совхозные фермы до весны возвращают. Складывается и новая система взаимоотношений человека с природой. Кстати, по происхождению новопоселенцы этих мест в большинстве своём не потомки коренных, а – карельские, вологодские, новгородские, псковские городские выходцы, дети рабочих, правнуки крестьян. Много и питерских.

Как смотреть на всё это – с оптимизмом или с пессимизмом? Опустошённая было земля заселяется: это хорошо, и оптимистично, и перспективно. Но когда ещё наладится древне-органичный контакт этого нового, хотя и положительного и добросовестного (и даже не очень пьяного) населения с окружающей природой и с творениями старой тысячелетней культуры, творениями, которые уже стали живой частью природного ландшафта?

Искал я дорогу от дремуче-красивого Пидьмозера на Сидозеро, где стоит никем не описанная неведомая деревянная церковь. По карте – есть такая дорога, через лес идёт. Спрашиваю у местных, как на неё выйти, – никто не знает. Да, говорят, была дорога, старики сказывали. «Я тут с восемьдесят восьмого (пятого, девятого) года живу, не знаю. Ты во-он сходи куда, там под горкой изба, там старуха живёт, она здесь коренная, она, может, знает».

Дороги – часть ландшафта. И церкви, и часовни – тоже живая часть ландшафта. Более того: средоточие и осмысление этой земли; через них проведена ось, связующая живущего здесь человека и с бессловесной кормилицей-природой, и с непостижимой вечностью. И разрушаются они потому, что пришедшие к ним новые жители не вросли ещё в эту землю, не увидели этого неба; эти жители ещё ощущают себя временными, они сидят на чемоданах; они ещё кочевники.

В самом деле, чтобы деревянная церковь не погибла, она должна жить. Жить она может либо как действующий храм, либо как музей. Музей – дело чужаков, городских, а у них нет ни денег, ни интереса к простеньким памятникам сельской архитектуры, затерянным в медвежьем углу Ленобласти. А сделать храм действующим – нужно постоянное население. И вроде бы жители и хотят, чтоб церковь у них была, и понимают её красоту и нужность, а ничего сделать не могут.

До Сидозера я всё-таки добрался. Не напрямую, по лесной дороге, которую так и не нашёл, а кругалём, по торному асфальтовому шоссе. На месте обозначенной на карте крохотной деревеньки увидел там большущий садоводческий посёлок. А на противоположном берегу озера – такую несказанную, такую чудную церковь, что в груди защемило. Это необыкновенное строение не числится в реестрах, не подохранно, поэтому не ремонтировалось, поэтому разрушается неумолимо и полным ходом. Крыша продырявилась и течёт; сквозь сферы пяти разных, не похожих друг на друга куполов видно небо. Доски пола растащили садоводы на ремонт своих жилищ. Стены, слава Богу, не тронули. Прозрачное деревянное кружево этого храма возносится ещё над соснами, над озером, как дым от камины, поднимающийся к свету.

Земля вепсская неведомая. 2007 год

Terra incognita

Дорога ответвляется направо от трассы Лодейное Поле – Вытегра, петля среди бесконечного леса. Вскоре асфальт заканчивается, сменяясь изрядно разбитой лесовозами грунтовкой. Мы постепенно углубляемся в страну неизвестную, загадочную Вепсалию.

Кругом всё лес и лес, сквозь его гущу, как лысина в волосах, иногда заблестит озеро. Да ещё лесовозные колеи, грязные и раскоряченные, нерадостно разнообразят обочины дороги. Наконец поворот, мелколиственная зелёная занавесь расступается, слева открывается пространство поймы; внизу, оправленная высокими берегами, сверкает быстрая вода: река Оять. Она разрезает окружающую лесистую равнину так глубоко, что местами её пойма превращается в настоящий каньон. Очередной поворот дороги – и мы въезжаем в старинное село Винницы, расположенное вдоль берега Ояти на одной из самых живописных её излучин.

Когда здесь возникло поселение, доподлинно неизвестно; по всему судя – во времена незапамятные. Название села – из вепсского языка, по-русски в разные времена оно писалось различно: Выдлицы, Винглицы, Винницы... Первое упоминание – в приписке к Уставной грамоте новгородского князя Святослава Ольговича. Сама грамота датируется 1137 годом, а приписка, видимо, сделана в XIII столетии. Здесь село названо «Вьюницы», и указана сумма платежей, взимаемых с него: 3 гривны в год, втрое больше, чем с рядовых деревень Обонежской пятины. Видимо, село было большое, богатое. О старине напоминает погост, расположенный в северо-восточной части села. От него сохранилось несколько деревянных построек XVII–XIX веков, настолько искажённых переделками советского времени, что с трудом угадывается их священное предназначение. Две церкви, навершия и главки коих давно утрачены, дом привратника, при котором, по-видимому, стояла когда-то часовня... На их тёмном фоне как будто бы светится новенькая, из свежих брёвен срубленная, церковка.

Село вытянуто по наклонным берегам вдоль Ояти. Среди стандартных новых построек попадаются старинные, потемневшие от времени избы на высоком подклете, в пять окон, с непременно декоративным балкончиком под коньком. Дымок там и сям поднимается из труб: суббота, топят бани.

Кто такие вепсы? Ещё лет сто назад их страна и сама их народность лежала большим белым пятном на этнографической карте европейской России. В многотомном издании «Россия. Полное географическое описание нашего отечества», СПб., 1900, о вепсах только краткое упоминание (т. 3, с. 106).

«С водью соседила весь, границами обитания которой были: на западе – южное побережье Ладожского озера и река Волхов <...>, на востоке Белое озеро; на севере весь граничила с финскими племенами, известными у новгородцев под общим именем заволоцкой чуди. <...> Весь была торговым народом, она принимала деятельное участие в торговле Востока с Западом [на пути из варяг в греки. – А. И.-Г.]. На это указывают находки монет VII–XI веков на территории веси и многочисленные свидетельства арабских писателей. <...> В летописи весь упоминается в перечне племён, плативших дань варягам, а также в союзе племён, призвавших варяжских князей. Племя это было отодвинуто славянами к востоку от Ладожского озера. Остатками веси некоторые считают вепсов, живущих ныне в количестве 25 000 человек в Лодейнопольском уезде Олонецкой губернии и в Тихвинском и Белозерском уездах Новгородской. Есть основание, однако, предполагать, что вепсы представляют собой смешение финских племён; всего ближе они, по-видимому, к племени еми. Это

доказывается, например, сходством языка вепсов (особенно приоятских деревень) с языком тавастов, или той же еми. У русских вепсы известны под именем чуди, чуха-рей, кайванов».

Тавасты, емь – народности, вошедшие в состав современного финского этноса. Ещё сообщается об особенностях приоятского говора (умеренное «цоканье» и произношение «о» почти как «у») и о том, что жители деревень по Ояти – хорошие гончары. Скота держат мало за неимением мест для выпаса, ловят рыбу, которой богаты здешние реки и озёра, из неё пекут пироги-рыбники. А деньги зарабатывают в основном валкой и переработкой леса.

«Повесть временных лет», написанная в конце XI – начале XII века, сообщает под 859 и 862 годами, что весь вместе с ильменскими словенами платила дань варягам, а обитала в окрестностях Белого озера, коим вначале овладел варяжский князь Синеус, а затем его брат Рюрик. Чуть позже, под 882 годом, тот же источник утверждает, что в войске князя Олега во время его похода на Смоленск и Киев, наряду с варягами и представителями разных славянских и неславянских племён, были воины из племени весь. В XII веке этноним «весь» исчезает из летописных источников, сменяясь термином «чудь», имевшим, по-видимому, более широкое значение. Это название (в обиходной форме – «чухна», «чухарь») сохранилось до XX века; оно распространялось на несколько народностей, близких по языку и культуре: эстонцев, ижорцев, вепсов. По данным исследований 1920-х годов, большинство жителей южно-вепсских деревень называли себя чухарями; севернее, на Свири и Ояти, господствовало самоназвание «людики», такое же, как у части южных карелов. Общепринятым этноним «вепсы» сделался только в 1930-х годах, когда была разработана вепсская письменность и строились планы создания национальной автономии. В те же самые 1920–1930-е годы началось систематическое изучение языка, культуры, быта и исторического прошлого вепсов. К этому времени всех чухарей-людиков-вепсов насчитывалось двадцать пять – тридцать тысяч, и жили они в глухих деревнях, в лесных дебрях, в стороне от дорог. Только там сохранились вепсская речь, традиционная культура и образ жизни.

Я когда-то впервые услышал об этом народе из рассказов крёстной. В незапамятных 1920-х годах она окончила медицинский институт и была направлена на работу в Винницкую волость. За два года исходила пешком и извездила на телеге ближние и дальние окрестности и, наверное, много интересного могла поведать о жизни этого затерянного мира. Работа сельского врача позволяет заглянуть в самые глубины народной психологии и быта. Главной трудностью для молоденькой докторши была языковая проблема. Мужики – те по большей части худо-бедно говорили по-русски: служили в армии, ходили на заработки. Бабы и ребятишки русского вовсе не знали. А ведь с ними-то больше всего приходилось общаться. Детские болезни, бич тогдашней деревни, и болезни женские, вызванные постоянными родами, отсутствием бытовой гигиены, бедностью, а главное, непосильным трудом, – вот с чем приходилось бороться двадцатишестилетней выпускнице ГИМЗа⁴. Ну, и мужики обращались в сельскую амбулаторию: тут более всего хлопот врачу доставляли травмы, полученные по пьянке да в драке. Впрочем, летом в деревне мужиков оставалось немного: уходили на заработки. Потому-то основной сельскохозяйственный труд ложился на женские плечи.

А ещё рассказывала крёстная о песнях, которые пели здешние жители на неведомом языке, о молодёжных гулянках, о местных праздниках... Главное – о песнях. Пели здесь все. Песня, часто импровизированная, была формой жизни. Возможно, способом выжить.

---

⁴ Государственный институт медицинских знаний – так до 1930 года называлась нынешняя Санкт-Петербургская медицинская академия имени Мечникова.

Вепсский праздник

С утра на главной улице Винниц наблюдается заметное движение. Едут машины, грузовики, автобусы, шагают пешеходы, поодиночке и группами. Всё это движется в одном направлении, туда, где у юго-восточного края села, за ручьём, между дорогой и берегом Ояти открывается широкая поляна. На поляне, над самой рекой – холм, по-видимому, искусственного происхождения, напоминающий курган. На холме – шест с прибитыми к нему планками и кругами, украшенный разноцветными лентами: «Древо жизни». В сторонке – деревянные резные качели, на них бойко раскачивается молодёжь в ярко вышитых рубахах и сарафанах.

По краю поляны расставлены деревянные лавки, столы, а на них разноцветно веселятся на утреннем солнце всевозможные изделия вепсских мастеров и мастериц. Ковры и коврики, плетённые из разноцветных лоскутков; игрушки деревянные, тряпичные и глиняные; посуда глиняная и деревянная, крашеная и некрашеная; берестяные коробочки, тусски, лапти, шапки, браслеты. И всё это такое тёплое, нехитрое, домашнее – видно, что не ради денег сделано, а ради себя и ради праздника. Тут же работают ткачи, вязальщицы, резчики по дереву, берестянщики. Одеты – кто в традиционные вышитые рубахи и сарафаны, кто по современному, но праздничные все.

Можно подойти к столику, где дымится уха или греются на солнце курники, калитки, сканцы и прочие выпечные прелести здешней кухни. Можно это всё залить баночным пивом «Хольстен», или «прижать» водочкой. Но лучше отведать старинного местного напитка, именуемого «олуть». Это что-то среднее между брагой и домашним пивом. Мутноватая, сладкая, как будто и не пьяная, но постепенно разбирает. Слово «олуть» родственно и эстонскому «ылу», и финскому «олу», и древнерусскому «оль», и английскому «эль» – «пиво». А также, по-видимому, таким далёким по современному значению словам, как английское «oil» и русское «олово». То, что течёт, выплавляется из твёрдого субстрата. Этимология свидетельствует о древности вепсской лексики, а также о том, что искусство варить пиво, возможно, заимствовано славянами и германцами у древних балтийских финно-угров, предков наших вепсов. Правда, тут, на поляне, олуть продаёт только один хозяин. Говорит, что специально ради праздника поставил. Просто для себя уже не делает. Уходят традиции. Легче в магазине пиво купить.

Народу на поляне всё больше, водку и пиво продают всюду, а пьяных пока что-то не видно. Может быть потому, что тут же рядом на нескольких столиках разложена благочестивая литература, отпечатанная в Финляндии, в том числе солидные книги в твёрдых коричневых добротных переплётках, на которых золотыми буквами вытиснено: «Uz'zavet» – Узь Завет, Новый Завет.

Посередине поляны – эстрада. На эстраде сменяют друг друга фольклорные ансамбли из разных деревень, певцы, певицы, поэты. Всё это происходит непрерывным потоком, просто, по-домашнему. Девушка из Петрозаводска поёт битловскую «Yesterday» – по-вепски. Прикольно. Потом бабки в пёстрых сарафанах исполняют развесёлые песни. Вслед за ними выходят петь и плясать местные цыгане.

Из-за леса, из-за гор приехал губернатор. Обошёл в сопровождении свиты все столы, все лавки, послушал, поулыбался, потом тихо и незаметно уехал. После его отъезда праздник перешёл в неформальную стадию, постепенно распадаясь на отдельные весёлые пикники. Вот тут-то познакомились мы с бабушками из деревни Курба. Они, после выступления на сцене, расслабились за столиком на краю поляны. Расшитые праздничные сарафаны уже сменили на обычную одежду, только пёстрые шапочки остались. Выпивали, закусывали всяческими домашними закусками и при этом пели. К этим бабкам в гости, в деревню Курба

мы отправимся, как только будет попутка. Автобусы туда не ходят, а пешком – далековато: километров тридцать.

Малое в большом и большое в малом

Главный вопрос, который неизбежно возникает здесь, по крайней мере, перед человеком приезжим: кто русский, а кто вепс? Как отличить? Ни по каким внешним признакам провести различие невозможно. В антропологических признаках сколь-нибудь устойчивых различий нет. Вепсы по большей части светловолосые, но встречаются и тёмные шатены. Сероглазые, но попадаются и кареглазки. Невысокие, но бывают и здоровенные детины. Мужчины чаще худощавые, даже щупловатые; женщины кряжистые... однако предостаточно и миниатюрных. В общем, ничего определённого. У русских обитателей Ленинградской, Новгородской, Вологодской областей или Карелии тот же расплывчатый набор признаков.

Что касается языка... Ещё лет пятьдесят – сто назад в вепских деревнях разговаривали только по-вепски. Сейчас русский – родной язык для подавляющего большинства вепсов. Редко встретишь старика или старуху, в русской речи которых слышен вепский акцент. Есть, конечно, особенности произношения, но не более заметные, чем у русских селян Вологодской, Ярославской или Костромской областей. Молодёжь, особенно та, которая учится в Питере или Петрозаводске, вообще языком предков не владеет, а если и владеет, то не как родным, а выучивает его сознательно. И всё же большинство из них, даже перебравшись в город, продолжают помнить, что они вепсы. Вот Ольга Геннадиевна Спиркова, активистка Вепского центра, которую я донимал расспросами о национальном самосознании, говорит по-вепски, причём с дошкольного детства. А её брат живёт в Питере и на родном языке – ни бельмеса. Но он – вепс, и в этом не сомневаются ни окружающие, ни он сам. Наша питерская знакомая, аспирантка Катя, вепский пытается изучить, что-то помнит с детства. Её отец Михаил Никонов владеет обоими языками одинаково. А его мать, Клавдия Емельяновна, свободнее говорит по-вепски, постоянно переходя в разговоре с внучкой с русского на вепский и наоборот.

Происхождение от вепского рода-племени – тоже существенный, но далеко не абсолютный критерий. Стопроцентных вепсов не существует в природе. Смешение кровей шло в этой глубинке по крайней мере с тех пор, как вепсы приняли православие, то есть лет эдак с тысячу. Да и до того, по-видимому, в традициях древней веси не было экзогамии. Жён с удовольствием брали у соседних племён и замуж выходили в чужие края. Но, конечно, в XX веке генетический дрейф шёл активнее. Деревенские устремились в город, а городских стали присылать на работу в деревню. Почти каждый современный вепс без труда найдёт среди своих ближайших предков русских, карелов, а то ещё какой-нибудь более экзотический компонент. Например, цыган. И при этом народ не растворился в многоликом окружении, а, пожалуй, только яснее стал сознавать свою особость. Опять-таки пример – Катя Никонова: её отец вепс, мать – архангелогородка. А она сама всё же по преимуществу ощущает себя вепсянкой.

Правда, Катя выросла в этих краях. Но место рождения и место обитания тоже не окончательный критерий для определения того, кто вепс, кто не вепс. Здесь с давних пор обитает множество русских, для которых эти места – такая же родина, как для Кати, её отца и бабушки. Но от этого русские не становятся вепсами. Бывают обратные ситуации: в Винницах, например, живёт вепсянка, родившаяся и выросшая в Таджикистане, и лишь недавно реэмигрировавшая на «историческую родину». Немало вепсов (и становится всё больше), которые не только выросли, но и родились в Питере или Петрозаводске. И время от времени приезжают сюда, хотя бы на тот самый вепский праздник, гостями которого были мы.

При этом существует достаточно потомков вепсов, которые, живя в городах, давно забыли о своем происхождении.

Остается ещё один критерий: вепс тот, кто чувствует себя таковым. Однако самоощущение, и уж тем более самоназвание зависит от внешних и преходящих факторов. Например, от политики властей, от того, выгодно ли, престижно ли быть представителем малого народа. Ольга Геннадьевна Спиркова (и не она одна) вспоминает, что в её детстве быть вепсом считалось зазорным. В школе дразнили за то, что вепс. Сейчас ситуация скорее обратная. Принадлежностью к малому народу гордятся. На вепсов появилась своеобразная мода, ими интересуются в Петрозаводске, в Питере, в Финляндии. Появилась и прямая выгода быть вепсом. К примеру, в Российский государственный педагогический университет им. Герцена в Петербурге вепским юношам и девушкам поступить легче, чем русским: работает целевая программа по их приёму и обучению.

Надо сказать, что политика властей в отношении вепского самоопределения за истекшее столетие неоднократно менялась. Царская власть на вепсов внимания не обращала, советская – поначалу стимулировала их национальное саморазвитие: был образован Винницкий район как национально-культурное образование. Потом, в конце 1930-х и в 1940-х годах, особенно после советско-финской войны, ситуация резко изменилась (конечно, вепсы никоим образом не были повинны в неудачах Красной армии зимой 1939–1940 годов, но, как говорится, попали под раздачу). Национальность «вепс» была вычеркнута из списка дозволенных. В послевоенные годы, вплоть до перестройки, в паспорта вепсов нередко записывали русскими и в школе вепский язык не преподавали. Сейчас национально-культурное возрождение стимулируется властями, не без участия (к сожалению, небескорыстного) финских общественных и религиозных организаций. В результате кое-кто из тех, кто уже давно забыл о своём вепском происхождении, в последние годы счёл разумным вспомнить об этом. Кем их считать на самом деле – русскими или вепсами?

Получается, что надёжных критериев различия вепсов и русских просто не существует. Этническая ситуация, сложившаяся в этих краях, уникальна. Русские и вепсы без малого тысячу лет живут бок о бок в одних и тех же условиях на одной и той же земле, в стороне от торных дорог (говоря по-научному, в пределах одного изолированного биогеохора), ведут одинаковый образ жизни, одинаковое хозяйство. Исповедуют одну и ту же религию, которую правильно было бы назвать «народное православие». Образуют смешанные браки. В результате получилось: большой народ включил в себя малый, а малый на данной ограниченной территории включил в себя большой.

Сотворение мира в русской печи

Составить национальный портрет вепсов затруднительно, а вот почувствовать этнокультурный колорит очень даже можно. Здесь сохранились очень древние обычаи, которые отличаются от обычаев и обрядов в русских деревнях, хотя в чём-то и перекликаются с ними. До сих пор существует обряд принятия новорождённого ребёнка в дом. Когда младенца приносят из роддома, его кладут на порог избы, все члены семьи через него перешагивают, а потом берут уголёк из печки и рисуют им крестики на ручках, ножках, лобике. Наш информант Ольга Геннадьевна совершала такой обряд со своим ребёнком несколько лет назад, и говорят, что это в обычае. Что тут характерно? Во-первых, очевидно, что в прежние времена вепские женщины уходили рожать из дома в какое-то специально отведённое место, по-видимому, считавшееся ритуально нечистым. После этого ребёнка нужно было очистить углём (символом огня и очага), прежде чем он вступит в мир. Во-вторых, бросается в глаза сходство с православным обрядом миропомазания, во время которого новокрещённого младенца священник вносит в алтарь, а грудь, ручки, ножки, лобик и органы чувств крестооб-

разно помазует особым драгоценным составом – святым миром. Конечно, тут не обошлось без церковного влияния. Но в том и в другом обряде есть общее древнее начало: космизм, соотнесение вступающего в жизнь человека с мирозданием, с сакральным пространством (домом или алтарём), определение верха и низа, правой и левой сторон.

Этот архаичный, укоренённый в природе космизм ощущается даже в приготовлении традиционных произведений вепсской кухни, если процесс совершается в настоящем деревенском доме, в настоящей русской печи (характерное для этих мест сочетание: дом вепсский, а печь в нём русская). Этот процесс мы наблюдали и плоды его с большим удовольствием отведали в деревне Немжа, в доме Клавдии Емельяновны Никоновой.

Из экспедиционного дневника. Немжа – 10 километров от Винниц. Нас туда повезла Катя Никонова к бабушке Клавдии Емельяновне.

Катя – светлая, тоненькая, аккуратненькая, я бы сказал – справненькая. Глаза серенькие, чуточку подведённые, носик остренький, губки точно очерченные. Ни одного лишнего движения, ни одного лишнего слова: каждое абсолютно на месте и по существу. Так же умны её движения, когда, например, раскатывает с бабушкой тесто для калиток.

Клавдия Емельяновна – внешне совершенно не соответствует представлениям о типичной вепсской женщине: узкокостная, узколицая, нос чуть крючком, глаза карие, волосы тёмные. Но говорит по-вепски лучше, чем по-русски. По-русски с акцентом, прислушиваясь к коему можно понять, где северорусское диалектное «оканье» смыкается с эстонско-финским сердитым придыханием и удвоением глухих гласных. Русские и вепские корни и флексии постоянно смешиваются в её речи. Например, «некехта» – неохота (от вепского «кехт» – хочу). Лет ей около семидесяти. Её движения, особенно по хозяйству, поразительно точны: ни единого лишнего шага или жеста.

Дом стоит на высоком, крутом берегу Ояти. Вся деревня развёрнута лицом к реке, а к дороге задами – северная особенность. Дом большой, просторный, на высоком подклете; хлев, сеновал и сарай объединены с жилой частью под общей крышей. В доме всё добротно, аккуратно и очень чисто, всюду настланы пёстрые половички. Центр всего – большая, на две комнаты, печь с лежанкой. Пять окон по фасаду (это тоже традиция), вид из них чудный – на сверкающий изгиб Ояти, на свежую зелень бесконечных лесов за дальним берегом.

Вышли покурить. Соседи заинтересовались: кто это приехал? И высказывают предположение, что мы с фотографом Стасом – Катины женихи.

В вепсах заметно своеобразное качество юмора: с серьёзным лицом, ровным тоном и хитрой подколкой.

Ради нас Клавдия Емельяновна затеяла печь калитки – «калиткат» по-вепски. (В вепском языке ударение стремится стать на первый слог. Причём один и тот же носитель языка по-русски будет произносить «Оя́ть», а переходя на вепсский – «Оя́ть»). Калитки – нечто вроде ватрушек или конвертиков из ржаной муки с разнообразной начинкой: картофель со сметаной, творог с гречей, пшеничка с маслом... В вепсской кухне очень мало используется мясо, в основном – мука, крупы, картофель, молочные продукты и рыба. Приготовление калиток или сканцев (штучек, похожих на калитки, только сладких) – дело долгое. Пока Клавдия Емельяновна с Катей растапливали печь, замешивали и раскатывали тесто, готовили начинку, мы разглядывали домашнюю утварь. Деревянная лопата – «лабад» – для сажания противня в печь, мутовка из сосновой ветки для взбивания масла – «хэркмет». Всё такое же, как тысячу лет назад.

Процесс приготовления калиток чем-то напоминает сотворение мира. Бабушка с внучкой совершают его с такой же серьёзностью и непогрешимостью, с какой, наверное, Бог лепил Адама. Самый впечатляющий момент – посадка калиток в печь. Угли к этому времени

должны прогореть. На них всё печётся очень быстро. Клавдия Емельяновна извлекает подрумянившихся красавиц из печи. На столе уже – домашнее вино из черноплодки с вишнёвым листом и уха из форели и лосося: рыбой этой до сих пор ещё обильны здешние реки и озёра. Первый тост – за вепсскую землю и воду.

Курбинские певуны

Наконец мы едем в Курбу, к тем самым бабкам-песенницам, с которыми познакомились на празднике. Добраться туда непросто, а уж вернуться... Грунтовка Винницы – Немжа – Озёра – Курба и дальше на Ладву – проложена недавно. Раньше, говорят, от Озёр тянулась дорога совсем плохая, не во всякое время проезжая. При советской власти в Курбу летал рейсовый вертолёт. Где-то здесь, наверно, остатки тех дорог, по которым ездила и ходила восемьдесят лет назад моя крёстная.

В Курбе быстро отыскивали бабу Тасю, Таисию Фроловну. Их было четыре сестры, все певуны: Тася, Зина, Люба и Роза. Младшая, Роза, умерла. Ещё в их компании – баба Аня, Анна Ивановна, по прозвищу Петиха, и баба Оля. Небольшой, но звонкоголосый вокальный ансамбль. Пока баба Тася скликала подруг, как-то потихоньку стол образовался. Огурчики маринованные, рыжики солёные, капуста квашеная, непременно калитки с разными начинками; посреди всего этого выросла огромная сковорода, а на ней – залитая яйцом домашняя тушёнка. Всё это – настоящее, доброе, Богом данное, не магазинная пластмасса. Конечно же, водочка тоже подоспела.

Из экспедиционного дневника. *Стали выпивать, закусывать, разговоры разговаривать. И так постепенно начался полёт, который невозможно описать, а надо смотреть и слушать. Бабки запели. Их песни, частушки и рассказы мы записывали на видео больше пяти часов почти без остановок. Так что из видеокамеры едва дым не повалил.*

Поют они всё, от комсомольских песен до материнских припевок, по-русски и по-вепсски, но гвоздь их репертуара – озорные частушки, как это у них называется – «частушки с картинкам».

Эх, тёща моя,
Дай опохмелиться!
Твоя дочка подо мной
Плохо шевелится!

Эх, зять ты мой зять,
Что-то мне не верится.
Под хорошим мужиком
И доска шевелится.

Всё это поётся с удивительно молодым задором. А ведь бабкам лет по семьдесят.

Баба Тася – широкое лицо, озорные глаза, лидерские повадки: видно, что заводила по жизни. Голос сильный.

Баба Люба – куда более тихая, округлая, неброская. В хоре обычно подпевает, но тексты песен знает лучше других. Её частушки «с картинкам» грубоваты, но она их поёт тогда, когда все подвыпили, обо всём поговорили и надо чем-то подогреть обстановку.

Баба Аня, Петиха. Наиболее яркая по-человечески и в пени. Очень сильный голос. В её исполнении частушки, даже самые неприличные, всегда к месту и, я бы сказал, художественны. Судя по всему, у неё репутация женищины заводной и малость разгульной. В её

глазах виден ум, происходящий не от образования или начитанности, а от силы личности. Обладает несомненным даром слова. Её рассказ о жизни – длинный, наполненный тяжкими и даже чёрными подробностями, слушается на одном дыхании. В моментах, эмоционально наиболее трудных, заметно проявляется вепсский акцент.

Рассказ Анны Ивановны (Петихи), записанный 22 июня 2007 года в деревне Курба. Фрагменты. ... У меня ребята были маленькие, два с половиной года разница. Дочка с сыном были. Я их оставляла, а сама в лес иду: надо было деньги зарабатывать тоже. Надо было питаться. Он <муж. – А. И.-Г.> что получал, то пропивал. Я сколько успею – продуктов накуплю, остальное всё пропивал. Вот такая моя жизнь была. Не очень красивая моя жизнь была. А вот сюда переехали – ну, я сказала: «Всё, теперь, говорю, сорочинская(?) жизнь сменится у меня. Если, говорю, ты руками ко мне полезешь – значит, я позвоню по телефону сразу». Вот такой вопрос я ему поставила. Ну, тут он меня не бил. Два года тут жили. Но пить – пил.

... Сидит на крыльчке пьяный. А я, в общем, не ругалась никогда, даже не смела плохое слово сказать. Я говорю: «Ой-ой, Петя, Петя, ты сказал – не буду пить, а опять пьяный». Я пока на двор ходила, он в это время в магазин пошёл. Вот денег уже не было, вот кто дал? Тогда было два пятьдесят бутылка. Дали ему деньги. Я со двора иду, а он опять уже, это, с бутылкой. Тут я, знаешь чего, тут я стала, знаешь, такая... Говорю: «Иди куда хочешь, больше я домой тебя не пущу. Всё, больше жить с тобой я не могу». Я только так его по плечу, говорю: «Ну, Пётр Васильич, вспомни, кто жена у тебя была». Вот век не забуду. «Вспомни, можно было с этой женой жить?»

... Прибегает подруга. «Нюра, – говорит, – Петя домой пошёл и закрылся». А я... Видишь, был уже такой случай у него, он хотел сам себя расстрелить, но попал в сына... Ох, это, тяжело вспоминать мне... Я побежала, говорю: «Коля, Алёша, давайте, бежите за мной сразу». Но они не пришли, они пьяные были. А мы пришли с подругой. И ещё одна женщина была, ты не знаешь её. И не слышали – в это время трактор про ехал – выстрела не слышали. Ну, потом мы разговор так вели. Я доченьке говорю: «Ты посмотри с окна». Она в окно посмотрела, говорит: «А не видно, мама, папы». Ну, не видно, дак, постояли ещё. Стала домой подниматься. А крыльца-то у нас рядом, домой подниматься. А он уже готовый. Живой ещё. Плохим голосом кричит. Ну, тут я дёрнула дверь, дверь открыла, а он лежит на полу, не мёртвый, живой ещё. Голову поднял: «Нюра, Нюра, – говорит, – иди, погляди, что у меня здесь». Голову поднял... Ну, я через него – даже сейчас помню – шагнула... Ну, я молоденька, дак, знаешь... Ну, он, дак: «Нюра, Нюра, прости меня, я, – говорю, – поправлюсь». Вот эти слова я помню евоныне. А у него уже, видишь... Вот так поднял голову, так у него расстрел был сюда <показывает под правую челюсть, потом щёку и глаз. – А. И.-Г.>, так всё это место содрато было, и это место содрато было... Я даже посмотрела – глаз живой был, а сбоку уже зубы видны были. А мясо-то тут висело...

И дорогой-то он захотел пить. Ну, остановились... а пить-то ничего не взяли. Я говорю: «Петя, да ничего пить-то нету». Говорю: «Хочешь, со рта моего будешь пить?» – «Буду». Я вышла с машины, в канаве взяла воды, его рот целый поила водой, вымазала лицо кровью. Верите, сама... глаза вот... слёзы капнут, ну... Так терпела. Второй рот поила, третий рот ещё... И уже всё. Раз глотнул – и уже больше не взял. Дорогой ещё: «Прости, Нюра, меня, прости». Два раза он меня прощения просил. Он всё понял, что я была права.

Закончился рассказ, выпили, помолчали... А потом снова петь начали. И Анна Ивановна пела, звонко, молодо, с блеском в глазах – в пору плясать идти.

Полюбила я его, да

Он без девушки, дурак:
У него насчёт любви
Не работает чердак.

Проводил милый до дому,
Сел на изгородочку.
Я пошла, он любовался
На мою походочку.

Что было, что будет...

Этнография – наука трудная. Самое трудное в ней: надо со всеми информантами для поддержания разговора выпивать и закусывать. Курбинские бабки – народ радушный, заводной и неуёмный. До вечера пели, пили, разговоры разговаривали, потом нас ночевать устроили, перед ночевой опять разговоры под стопку-закуску, рассказы про жизнь-бытьё. А утром проснулись, глядь – уже яишенка на столе стоит, и водки литр... В общем, обратная дорога в Винницы запомнилась плохо. Но очень хорошо и надолго запомнилась своеобразная неповторимая красота этих мест и этих людей. Я бы сказал: их скрытая яркость.

Скрытая яркость – это очень по-вепски. Тут ничто не бросается в глаза, на первый взгляд всё кажется приглушённым, обыденным. И небо, то серое, то блёкло-голубое; и леса, и реки, и разбросанные между ними деревушки. Тут нет швейцарских пейзажей и итальянских красок, всё тихое, спокойное. Поэтому и рассказывать об этих местах трудно: о чём, собственно? Жизнь и характеры людей – под стать природе: люди как люди. Самый общий признак вепсов (не всех, но подавляющего большинства) – светло-серый цвет глаз. Но как в течении реки Оять на её крутых изгибах вдруг проявляется неостановимая сила, так и в здешних людях неожиданно открываются горячий темперамент, поэтичность, песенный дар. И упрямое умение во всём оставаться собой. Огонь под слоем пепла.

Судьба вепского народа – трудная судьба. Что-то в ней есть общее с теми многочисленными рассказами о жизни, подобными рассказу Петихи, которых в здешних деревнях услышишь множество. Сама природа этих мест не очень-то милостива к человеку. Здесь всегда приходилось не столько жить, сколько выживать. Притом все колеи российской истории прошли своими драматическими изгибами через вепскую землю. Чего стоила – уж чтобы далеко не лезть в прошлое – Великая Отечественная война с её трудовой повинностью, лесоповалами, дорожными работами, двумя фронтами – немецким и финским... В тысячелетних передрыгах вепский народ давно должен был пропасть, раствориться, забыть свою самость. Полтора века назад первые исследователи вепсов в один голос утверждали: народность эта находится на грани вымирания и через двадцать-тридцать лет полностью исчезнет. Но вепсы существуют – тихо, упорно живут, работают, пьют водку, поют песни и даже время от времени веселятся на праздниках.

Вот только в последние годы очень уж активизировались в этих местах лесопромышленные предприятия. Лес валят всюду, хищнически, без разбора. Понятное дело, иных заработков здесь нет, и две трети мужского населения сегодня работают на лесоповалах. Получают деньги за уничтожение той природной среды, без которой существование вепского народа невыносимо. Впрочем, такая же проблема – пиление сука, на котором сидим, – сегодня становится главной проблемой России. И в этом малый народ разделяет судьбу большого.

Онего – ворота Севера. 2001–2010

Над чистой водой

Вода в Онежском озере какая-то особенная: светящаяся и чистая. И название под стать воде. Онего.

Второе по величине озеро Европы. Более пресное, чем Ладога и Байкал. Оно рождено великим ледником – остаток древнего моря, образовавшегося при таянии ледового панциря Европы и постепенно мелевшего, распавшегося на озёра. Где-то тут, по берегам и дну, проходит геологическая граница коренной России и Севера: стык Балтийского кристаллического щита и Русской осадочной платформы. Поэтому южная часть Онежского побережья низка, местами заболочена, местами тянется длинными песчаными отмелями, берега там и сям выложены гранитными, базальтовыми, диабазовыми скалами. Северная часть вся изрезана длинными параллельными заливами, изобилует полуостровами и островами. Кондопожская губа, залив Большое Онего, Повенецкий залив, полуостров Заонежье, остров Кижь...

Тих украшенный гранитными глыбами, поросший соснами берег километрах в двадцати от истока Свири. Дальше, за мысом, тянется песчаный пляж. Какая чистая, белая красота. Летом здесь ночи светлые – белые. Зимой снег белый укрывает всё. Воды озера, хоть и синеют яркой синью в солнечную погоду и черны бывают в бурю, но всё равно несут на себе отблески белизны. Можно долго стоять на свежем ветерке, смотреть на водную даль. По ней, почти по горизонту, время от времени проползают большие и малые теплоходы. Они идут из Беломорканала в сторону Волги по Волго-Балту или в сторону Балтийского моря по Свири.

С давних пор Онего служило дорогой, по которой шли новгородцы, а потом выходцы со всей Руси – осваивать Север. На Беломорье, в Подвинье, Поморье. Шли крестьяне-переселенцы, монахи-подвижники, а позднее – ревнители «древлего благочестия», раскольники. Шли на Выг и на Колу, на Соловки, на Двину, на Мезень... Ещё позднее этим же путём прошли сталинские зэки, строители Беломорканала.

И мы, пролетая километр за километром по вытегорской трассе, движемся, в сущности, тем же путём. Онежское озеро – ворота русского Севера. И вот святой сторож этих ворот, Георгий Победоносец на светозарном коне, выступает навстречу нам из сумрака прионежских лесов. За очередным поворотом дороги.

Примерно на середине пути между Подпорожьем и старинным селом Вознесенье, на пригорке над берегом спокойного Юксовского озера, в окружении высоких тёмных елей и светлых сосен стоит... чудо. Деревянная церковь как будто взлетает в небо, озаряя тёплым светом лес, деревню и воды. Удивительно, как удавалось старым мастерам добиваться такого эффекта: ведь постройка-то простенькая, совсем небольшая, несколько соединённых вместе срубов, кровля с повалом да маленькая главка на стройном барабане. А чувство такое, что перед тобой открывается дверь в вечность. Куда там Исаакиевский собор или храм Христа Спасителя – они покажутся маленькими, слепыми, неуклюжими, если вспомнишь о них рядом с этой затерянной в глухих лесах церковкой! У них – мощь, власть, сила человеческая, а тут – простая сила Божия. И свет, от неё исходящий, кажется несотворённым, как тот, что апостолы видели на горе Фавор.

Церковь святого Георгия Победоносца на Юксовском озере считается одной из самых старых сохранившихся деревянных церквей России: её датируют концом XV – началом XVI века. Невозможно представить себе более органичного единения человеческого творчества с природой, духа с плотью. Мировая гармония лучами исходит от неё. Тут со всей ясностью понимаешь: человек сотворён по подобию Божию, и подобие это заключено в спо-

способности творить. Создавать бытие из небытия. Живое и одухотворённое из мёртвого, обречённого. Так мастера-плотники создали из мёртвых брёвен и теса этот небесный взлёт – и дали новый смысл бытию окружающих сосен, берёз, озёрной глади.

Этой церкви повезло: она сохранилась. По соседству, в деревне Шеменичи, тоже были церкви, целых две, XVI и XVII веков – обе сгорели во время войны. Другие разрушаются на наших глазах. Проезжая деревню Шустручей (это уже совсем близко от Вознесенья) видели каменную колокольню, но не видели церкви. А по книжкам знаю, что тут есть деревянная церковь, Ильинская, XVIII века; по крайней мере, была. От неё осталось что-то вроде потемневшего сарая, в котором с трудом можно распознать архитектурные компоненты церкви, «рубленной клетски», то есть как изба, с пристроенным с запада срубом трапезной и с востока – срубом-апсидой. Сколько раз за время движения нашего по онежским святым местам мы будем вспоминать об этих разрушенных церквях. Каждая погибшая церковь – как убитый человек.

Прионежская вертикаль

В конечную точку своего маршрута, в Вознесенье, автобус прибывает как раз к парому. В этом месте, у самого истока Свири, где суровая река, как из переполненного сосуда, выливается из спокойного и белого Онежского озера, – мостов нет, переправа паромная. Был уже вечер, справа, на востоке, открылось бесконечное пространство озера, а слева, на западе, тучки окрашивались розовым и оранжевым. Внезапно налетела чёрная тучища, ударился оземь ливень, в пятнадцать минут пролетел, – и над водой, как раз над тем местом, где из озера вытекает поток Свири, – загорелась двойная радуга.

Последним паромным рейсом переправились на северный берег. Стало темнеть. И дальше – пятнадцать километров до деревни Щелейки – пешком, ночью.

Между прочим, Свирь представляет собой естественную границу между Русью и Карелией, и эта граница не совпадает с административной линией, разграничивающей Ленобласть и Карельскую республику. Дореволюционная граница между Олонецкой и Новгородской губерниями проходила как раз по Свири, и это деление осмысленно. Севернее Свири даже деревенские избы совсем другие – суровые, массивные, в шесть-восемь окон по фасаду, на высоком подклете, образующем по сути дела целый этаж.

Было, наверно, два часа ночи, когда из-за леса, из-за поворота дороги тёмной массой выдвинулся первый дом деревни. Вынырнула луна, яркая на чёрном августовском небе; и в загадочном освещении ночного светила вдруг явилось нам пятиглавие щелейкинской церкви. Церковь эта построена была в XVIII веке и освящена во имя святого Димитрия Солунского Мироточивого. Форма её необычна, замысловата. Стоит она посреди деревни, в стороне от Онежского озера, которое хоть и чувствуется, но не видится. Место почти закрытое, кругом избы и деревца, и церковь выступает из их массы так органично, как на опушке невысокого лесочка – пень, поросший грибами. Восьмерик, составляющий основной объём её, увенчан изящным пятиглавием, поставленным на четыре так называемых «бочки» – полуцилиндрические конструкции с килевидным заострением сверху. С запада пристроена колокольня, соединённая с храмом переходом-мостом на уровне второго этажа. Всё это придаёт строению, довольно-таки приземистому, некую воздушность, даже что-то такое легкомысленное... Ну, это всё удалось разглядеть днём, а в лунном ночном освещении видно было только загадочное, сказочное.

Днём, к сожалению, разгляделось и другое. Церковь, хотя и реставрирована лет сорок назад, нуждается уже в ремонте. Крест упал с центральной главки; разрушились скосы кровли над алтарём, и от затекающей воды брёвна верхних венцов начали гнить. Похоже, что это мало кого интересует. Народ в Щелейках тихий и довольно-таки доброжелательный,

но большинство приезжает только на лето; о церкви мало что знают – такое впечатление, что ни её прошлое, ни её будущее здешних жителей не волнует. В деревне, рядом с новенькими домами, осталось несколько разваливающихся заброшенных изб. В одну из них мы зашли – и чего только там не нашли. Среди мерзости запустения валялись отлично сплетённые берестяные туски, калиты, деревянная прялка, остатки старинной домашней утвари, по которой плачут городские музеи народного быта. А рядом, за новеньким штакетником – кипит жизнь, чай пьют на современно застеклённой веранде, мангал рядом стоит, авто «ауди» фырчит у ворот. Номера – карельские: хоть Щелейки и принадлежат административно к Ленобласти, но связей здесь больше с Петрозаводском (до него 80 километров, а до Питера – 400).

Облака над Онежским озером начинают розоветь. Берегом, по камушкам, по заболоченному лесу добираюсь я до старого маяка. Мыс, огромные камни, о которые шмякаются волны – настоящее море! За мысом – прекрасный песчаный пляж, и ни единой живой души до самого горизонта. От развалин маяка идёт дорога: одним концом на Щелейки, другим – в сторону Гимреки, до которой примерно километров шесть. Красивая дорога и вкусная: кругом малинник. Думаю, что это – старая дорога, которая существовала тогда, когда ещё не проложили современную грунтовку Вознесенье – Петрозаводск. Думаю так потому, что именно с неё открывается на подходе к Гимреке прекрасный вид на церковь Рождества Богородицы Гиморецкого погоста. XVII век.

Церковь – удивительна. Стоит на холме над деревней; вернее, не стоит, а летит, устремлённая в космическую бесконечность. От неё видна даль леса и озера, и она сама видна отовсюду. Очень высокий сруб центральной клетки, на нём очень высокий шатёр, увенчанный главкой с крестом. Это всё – какое-то немислимо высокое: космическая вертикаль. Рядом – огороженное старинной оградой маленькое кладбище; колокольня стоит отдельно. Всё – в хорошем состоянии, не только реставрация видна, но и мелкий повседневный ремонт. Как выяснилось из разговоров с местными жителями, церковь действует, хотя батюшки своего нет: приезжает по праздникам из Подпорожья. Он и в Щелейках служит, но там совсем редко. Постоянных прихожан мало, и содержать сразу два храма – тем более уникальных охраняемых памятника – средств не хватает.

А вот хватает же средств нашим соседям-финнам на организацию миссионерской деятельности в протестантском духе. Не хочу об этом сказать ничего плохого, но всё-таки и Георгиевская, и Дмитриевская, и Рождественская церкви воздвигнуты православной верой. Православная вера дала людям силу обжить и одухотворить здешние трудные места. И вот она скудеет, заменяется не вполне чистыми суррогатами. Шёл я обратно, из Гимреки в Щелейки по большой дороге, тормозит возле меня микроавтобус, предлагают подвезти. Спасибо. Сажусь. И начали меня с сильным финским акцентом уговаривать во что-то вступить, то ли в баптизм, то ли в адвентизм – не очень оно, с акцентом, понятно. Выйдя из машины в Щелейках, я понимал только одно: русского хозяина на Прионежской земле нет. Не то что бы совсем нет, но как-то его маловато, да и не всегда он трезв... А свято место пусто не бывает.

И, прямо в дополнение этих раздумий, идя по берегу в сторону Вознесенья, вышел я на каменный мыс. Огромная гранитная скала, поросшая сумрачным сосново-еловым лесом, врежется в воды озера так, что отсюда виден весь фарватер его южной части. И в сердце этой скалы вырублено что-то огромное, странное и страшное. Здесь во время войны стояло немецкое береговое орудие. Здесь ведь в 1941–1944 годах были немцы и финны. Орудие уничтожили в 1944 году, но мощные руины этого сооружения остались. И впечатляют. Особенно после того тихого, святого, мирного взлёта, который испытала душа возле Гиморецкой и Щелейкинской церквей.

Оставим это последнее наблюдение без комментария.

Молитвенное Заонежье

Если увидеть Онежское озеро с борта высоко летящего самолёта, то может показаться, что какая-то гигантская лапа гребла здесь земную кору, оставив глубокую впадину-чашу южной части и длинные, параллельно тянущиеся полосы-заливы на севере. Это царапал землю великий ледник, когда отступал на север десять-двенадцать тысяч лет назад.

Город Медвежьегорск – самая северная точка Онежского озера. От него к югу идёт дорога вглубь большого полуострова, образованного когда-то ледником. Этот же причудливый строитель искромсал полуостров бесчисленными грядами, вытянутыми параллельно друг другу заливами и озёрами, окружил островами. Вот этот мир воды, камня и леса называется Заонежье. Новгородцы, смешавшись с карелами, заселили эти места лет семьсот-шестьсот назад. В московские времена над заонежскими сёлами вознеслись главки православных храмов. Правда, храмами в торжественно-ритуальном смысле их трудно назвать. Не храмы, а дома, в которых обитает Дух Божий, поднимает их ввысь над белым светом вод и тьмой дремучих лесов.

На острове Кижы – всему миру известный ансамбль, действительно не имеющий себе равных. Но духовный заповедник не ограничен берегом острова. По окрестным сельгам и наволокам, как планеты вокруг звезды, светят тихим светом деревянные срубы, увенчанные крестами.

Сельга по-местному – гряда, возвышенность. Наволок – мыс. Высокие гряды, заливы, мысы и острова – тот основной материал, из которого создан облик Заонежья. И ещё – дремучие непролазные леса по каменистым берегам, бесчисленные малые озёра, широкая онежская гладь, чистота воздуха и воды, запах трав... Изредка разбросанные деревни, луга и покосы вокруг них. И ещё – шатры, главки, кресты и тёмные бревенчатые стены церквей и часовен. Они придают особенное выражение заонежским пейзажам. Вдумчивое, умиротворённое, приемлющее.

Постройки, дело рук человека, удивительным образом вживлены в созданный природой ландшафт и наполняют его жизнью. Композитор Борис Асафьев, побывавший в Заонежье в 1920-х годах, отметил это: «Я был поражён прежде всего красотой ансамблей, то есть спайкой между фоном (природою: лес, холмы, поля, вода, острова, дальние линии берегов) и церквами, колокольнями, избами, часовнями, крестами...» Это, в самом деле, главная отличительная черта облика Заонежья... Впрочем, прошедшее время и здесь доминирует над будущим.

По материалам экспедиции Ларса Петтерссона и Ойва Хелениуса, работавшей в 1942–1944 годах, во время финской оккупации, в Заонежье насчитывалось двести сорок две деревянных церкви и часовни. Из них сохранилось теперь тридцать две. Эти цифры – убийственны. За шесть послевоенных десятилетий мир Заонежья оказался на грани полного уничтожения. Одни церкви были разрушены по причине идиотизма атеистической власти, другие погибли в результате запустения деревень (население Заонежья за столетие сократилось с сорока двух до семи тысяч человек – тоже повод задуматься). И главный разрушитель – равнодушие. Рассказывают, в одной из деревень на праздник одновременно загорелись церковь и магазин. Население, понятное дело, кинулось к магазину...

Примечательно, и тоже убийственно для нашей совести, что наиболее полный каталог с описанием и фотографиями памятников русского Заонежья был составлен шведом и финном в годы вражеской оккупации. Работы отечественных подвижников, таких как Константин Романов или Фёдор Морозов, остались незавершёнными – из-за коллективизации, борьбы с религиозным дурманом, нищенского финансирования. Не будь Петтерссона и Хелениуса, мы бы не знали даже, как выглядел этот почти исчезнувший мир.

И всё же то, что осталось, ещё хранит в себе великую тайну соединения человека, природы и Бога.

Озеро, носящее вселенское имя Космозеро, тянется на тридцать километров с северо-запада на юго-восток посередине Заонежского полуострова. Ширина озера – не более километра. На высоком берегу у его южной оконечности стоит деревня Космозеро. Успенский Космозерский погост известен с XVI века. Из двух церквей, его составлявших, сохранилась только одна, меньшая, церковь святого Александра Свирского. Высоким шатром возносится она над дорогой, над деревней, над блестящей водой озера. Высота её главки – тридцать два метра. Церкви в карельских дебрях строили с таким расчётом, чтобы их кресты были видны из деревень, составляющих приход. Маковки Александро-Свирской и сгоревшей Успенской церкви когда-то были видны издали с дороги, ведущей с севера в Заонежье. Приветствовали путника и освящали вход в страну Заонежскую.

В самом центре полуострова, на холме у дороги возле крохотной деревушки Поля, стоит Ильинская церковь. Характер у неё совсем другой, не властный, как у Космозерской, а мягкий, нежный, умиротворённый. Над её главным срубом не взматывается шатёр, а только маленькая главка примостилась, как птица, на так называемой бочке, криволинейной, расширяющейся книзу конструкции, которая, в свою очередь, поставлена прямо на конёк крыши. С запада к церкви примыкает шатровая колокольня. Она гораздо выше самой церкви, стоит на малоприметном кособоре, и поэтому кажется, что, спускаясь вниз с холма, ведёт за собой основную постройку. Мирный образ Ильинской церкви обусловлен её историей. Здесь не было погоста, центра общественной жизни. Когда-то на этом месте стояла небольшая часовня, потом её расширили, присоединили перевезённую из другой деревни колокольню – и получилась церковь.

Если пойти дальше той же дорогой, то придёшь в деревню Типиницы. Это уже почти что самый юг полуострова. При входе в Типиницы примостилась крохотная часовенка, чем-то напоминающая избушку на курьих ножках. Простой срубик, крылечко с резными столбами, да главка на тоненьком опорном барабане, как грибок на ножке.

Когда-то над Типиницами высилась прекрасная шатровая церковь Вознесения Господня. Её далеко видно было и с холмов над деревней, и с Онежского озера. Церковь сгорела недавно, в 1970-х годах. Без неё вся местность вокруг осиротела. Дома деревни рассыпались врозь, как стадо, потерявшее пастыря. Только несколько изб и в разрушении своём сохранили гордую осанку.

Избы в Заонежье могучие. Большинство их давно заброшено, но многие ещё стоят, споря со временем и бесхозностью. По размерам каждая из них – с трёхэтажный дом. Кое-где сохранились резные наличники, балкончики, крыльца. Некоторые избы перестроены под современные нужды и, утратив украшения, сохранили внушительный, суровый, былинный вид. Кстати о былинах. Именно в Заонежье Павлом Рыбниковым и Александром Гильфердингом впервые были записаны былинные повествования об Илье Муромце, Добрыне, Вольге Всеславиче. В Заонежье, в деревне Гарницы на Климецком острове, жила семья знаменитых сказителей Трофима Рябина и его сына Ивана.

Если от Типиниц пойти на восток дорогой, изгибающейся вдоль берега Онежского озера, то через пару часов попадёшь в деревушку Вороний Остров. Там, в окружении живых ещё изб, стоит часовня Усекновения Главы Иоанна Предтечи. Часовня маленькая, с шатровой колоколенкой, но стоит она очень живописно, над заводью, в окружении прибрежных трав и кустов. Тут особенно чувствуется, что заонежская деревня немыслима без церкви или часовни. Церковь или часовня – живая душа деревни.

Но, пожалуй, самая проникновенная из всех часовен Заонежья – часовня Георгия Победоносца в Усть-Яндоме. Деревни Усть-Яндома уже нет, стоят на берегу Онежского озера три или четыре обитаемых дома. А чуть дальше, на самом мысу, у воды, в окружении деревьев

– крыльцо, стройный сруб с главкой-луковичкой и светлый шатёр колокольни. И так стоит эта часовня, что хочется смотреть на неё не отрываясь. Сохранить в душе своей этот образ молитвенного Заонежья.

Царство второе. Река времён. Мир Волги. 1998–1999

Есть вещи, которые так же трудно осознать, как обнять своё отражение в зеркале. Волга привычна каждому из нас, как привычно собственное тело. Она вокруг, всюду и всегда. В стихах, романах, песнях и кинофильмах. Огромной дугой окружает она Москву. Гигантской рокадой соединяет северо-запад и юго-восток страны. Царство её внутри нас. Коренная Россия – это страна, две трети населения которой живут в бассейне Волги. Я родился и всю жизнь прожил в Петербурге, но один мой прапрадед был костромской мещанин, другой – саратовский помещик, прабабка – из крестьян Тверской губернии, и значит, вся Волга, от истоков до низовий, течёт в моей крови.

Последний раз в Поволжье и вокруг него мне случилось путешествовать лет пятнадцать назад. Что-то из поддуманного и написанного устарело. Это прошу учесть. А также и то, что масштаб Волги необъятен и любые её описания поневоле фрагментарны. Перечень того, что осталось за кадром: пейзажи, красоты, памятники архитектуры, политика, красивые женщины, легенды про Стеньку Разина, чайки за кормой, экономические достижения, а также большая часть общих мест и песен про Волгу-матушку.

Река времен

*Река времён в своём стремленьи
Уносит все дела людей...*

Державин

«...И топит в пропасти забвенья // Народы, царства и царей». Но она же, Река времён, и выводит из небытия народы, царства, царей, чтобы, проведя многовековым, то бурным, то раздольным путём, швырнуть их в море вечности.

Говорят, что идею стихотворения внушила Гавриле Романовичу историческая карта «Река времён» профессора Страсса, висевшая на стене в его кабинете. Карта эта символически изображала всю историю человечества в виде могучего потока, то сливающегося в единое русло, то раздробляющегося на рукава и протоки, и уходящего из небытия в вечность. Но можно не сомневаться, что перед мысленным взором Державина проносился и другой поток, на берегах которого когда-то начиналась его жизнь. Волга – Река времён. Её течение – историческое прошлое народов и царств. И она, как шлюзы свои, открывает им двери в будущее.

Историческое бытие человечества началось, когда возникло понятие – дорога. Первыми дорогами были реки. По рекам шли к доисторическим и диким обитателям лесов носители культуры и духовности, проповедники веры (вспомним Андрея Первозванного). По рекам, ассимилируя и подчиняя себе древнее угро-финское население, продвигались племена славян. По ним же, волоком через водоразделы, по воде, а чаще санным путём по льду спешили торговые караваны, дипломатические посольства, отряды князей-грабителей.

Полтора тысячелетия назад в бассейне Волги столкнулись два мира: неподвижный, доисторический мир обитателей лесов с одной стороны (со стороны земли, почвы) и активный, то созидательный, то разрушительный, то увлекающий, то опасный мир пришлых людей – с другой. Со стороны реки. На пересечении этих миров стали возникать первые государства.

На Валдайской возвышенности есть место, где близко сходятся верховья водных систем трёх морей: Балтийского, Чёрного и Каспийского. Во все четыре стороны света расходятся отсюда русла рек: Ловать на север, Двина на запад, Днепр на юг, Волга на восток. Нестор называет это место: «Оковский лес». Обладание этим водоразделом сулило власть над всеми путями. Он стал узлом, стержнем образования Древнерусского государства. К концу девятого века здесь установилась власть новгородско-киевской княжеской династии. С этого времени начинается медленное, но неуклонное продвижение Руси вниз по Волге.

Процесс этот шёл трудно. В десятом веке князь Святослав сокрушил хазарский Итиль и победил Булгар. Но местное население, чуждое славянской Руси, сопротивлялось ассимиляции. Утвердиться на Верхней Волге удалось только Ярославу Мудрому. Результатом его военных походов стало основание первого русского города на Волге – Ярославля. Следующий шаг был сделан более чем через столетие. Укрепляя границы своих владений, Юрий Долгорукий, первый самостоятельный князь Северо-Восточной Руси, основал ниже Ярославля Кострому – почти одновременно с Москвой, в 1152 году. Дальше двинуть границы Руси удалось в начале следующего века: князь Юрий Всеволодович, внук Юрия Долгорукого и дядя Александра Невского, овладел местом впадения Оки в Волгу и построил там город Нижний Новгород. После этого движение остановилось. Три столетия Нижний оставался крайним опорным пунктом Руси в Поволжье.

На Руси в это время наступило тёмное время удельной анархии. В восточной Европе выросла великая держава Батия, ядро которой – Средняя и Нижняя Волга. Установившееся над Русью «татарское иго» – власть Нижней Волги. Тем не менее три столетия не прошли даром. За это время на Волго-Окских землях завершился процесс слияния коренных угро-финнов с пришлыми славянами, родился великорусский народ. В четырнадцатом веке великорусский народ встал на ноги, в пятнадцатом добился независимости, в шестнадцатом – приступил к созданию своей великой державы. Первым великим историческим деянием великороссов, первым решительным шагом к образованию Великой России стало завоевание Поволжья.

К этому времени держава Батия распалась; Булгар был разорён в смутах и не воскрес; на Нижней Волге кочевали ногайцы; на Среднем Поволжье господствовала воинственная Казань. Русские тоже не теряли времени даром. Костромские и Нижегородские земли ещё в предшествующие столетия стали чисто русскими. Опираясь на них, русское население к началу шестнадцатого века продвинулось по Волге ниже Нижнего; границей его сплошного расселения стала река Сура, впадающая в Волгу посередине между Нижним и Казанью.

От рубежа Суры началось решающее наступление России в Поволжье. В 1523 году, при государе Василии Ивановиче, в устье Суры была основана крепость Васильсурск: угроза Казани. В борьбе с Казанью Россия неуклонно продвигалась по Волге вниз. Строились новые крепости, и под их защиту переселялись мирные крестьяне. В 1550 году был построен Свияжск на полтораста вёрст ниже Васильсурска. Затем – рывок: в 1552 году Казань взята и становится русской крепостью; в 1556 году сдалась Астрахань, и рядом с ней возводится новая Астрахань, уже как опорный пункт Москвы; в 1557 году строится город и крепость Чебоксары; в 1586 году – Самара; в 1589-м – Царицын; в 1590-м – Саратов. В течение сорока лет, при царях Иване и Фёдоре, всё течение Волги от истока до устья впервые в истории объединилось под единой государственной властью – властью московского самодержца.

Но «завоевать» – ещё не значит «освоить». На пути русского переселенца в Поволжье вставали два препятствия: враждебность местных жителей и природные условия – степь. Чтобы замирить завоёванные племена и приспособиться к новой природной среде, требовалось время. А время-то как раз и сыграло с Московским царством злую шутку. Не прошло и полутора десятилетий после завершения триумфального шествия России вниз по Волге, как на другом конце державы вспыхнула Смута. И вот тут в истории русского Поволжья наступает самый острый, драматический период.

Неосвоенность завоёванной части Поволжья создала там своеобразный социально-политический вакуум: отсутствие сплошной власти и сплошного хозяйственного населения. Этот вакуум быстро был заполнен казаками. Волжское казачество шестнадцатого-семнадцатого веков – стихия степи и воли, буйная подвижная среда «вольных и гулящих» людей, утративших свою этническую и социальную принадлежность, самоорганизовавшихся в военной демократии, знающих лишь боевое братство, войну и грабёж. Русское Поволжье разделилось на две страны: Верхнее, где жило сплошное оседлое трудовое население и господствовал социально-политический режим Московского царства, и Нижнее, где хозяйничали казачьи ватаги, возглавляемые удалыми атаманами, и где власть Белого Царя ограничивалась укреплёнными городами и посадами. Между двумя Поволжьями отношения были напряжены. Правительство вело в отношении казаков двойственную политику, стесняя их «волю» стрелецкими гарнизонами и принимая при случае на службу: куда-нибудь подальше от Волги. Эта среда выдвигала периодически легендарных вождей и героев, таких как Ермак и Стенька Разин. Народ слагал о них песни – и постоянно терпел урон от их беспокойного буйства.

Поволжье сидело на пороховой бочке. Равновесие между Верхом и Понизовьем поддерживала только твёрдая рука московского царя. Весной 1605 года власть земских царей

Годуновых внезапно рухнула. Это был удар молнии. Порох взорвался. Огонь смуты, раздуваемый ветром казачьей вольницы, стремительно распространился по всей русской земле.

Верхневолжская Россия – в стихиях земли и воды. Нижняя Волга – огонь и ветер. Именно казаки (а не польская шляхта) были самой массовой и надёжной опорой всех самозванцев, ужасом и разрушением русской земли. По мере своего развития Смута всё больше и больше приобретала характер войны двух Поволжий – Верхнего и Нижнего. В то время пока понизовые казаки хозяйничали на развалинах сожжённой ими Москвы, центр русской земли переместился в верхневолжские города. Нижний и Ярославль стали во главе нового земского движения. Вождь его – нижегородский человек Минин; духовный предтеча, погибший в осаждённом московском Кремле, патриарх Гермоген – бывший митрополит казанский. В собранном ополчении участвовали многие города и волости, но главную силу составляли верхневолжские рати. И за стеной этого войска уже тогда угадывался образ будущего царя, костромского вотчинника Михаила Романова.

В конце концов, Верхняя Волга победила; Москва была освобождена; Астрахань, последняя опора «воровских» казаков, была блокирована и сдалась. Земля и вода возобладали над огнём и ветром. Символом восстановления земского порядка стало избрание на престол царя Михаила. Всегда вызывало удивление: почему именно он? Не Пожарский, вождь ополчения; не родовитейшие из бояр. Почему Михаил Романов, незаметный и больной, в чьих жилах не было ни капли великокняжеской крови? Объяснить избрание Михаила можно только одним: связью его с Верхней Волгой.

В своё время, после захвата поляками Москвы, Романовы укрылись в своих костромских вотчинах за Волгой. Сюда пробирались за ними вражеский отряд, заведённый Иваном Сусаниным в болота. Позднее они перебрались в Ипатьевский монастырь, что при Костроме, как раз между двумя столицами земского движения – Ярославлем и Нижним. Здесь Михаил принял власть, здесь оставался первое время после избрания. Место это особое. Оно связано с явлением Фёдоровской иконы Божией Матери, почитаемой со времён князя Василия Ярославича, в великое княжение которого (1272–1276) Кострома была столицей Руси. Существенна и связь Ипатьевского монастыря с Годуновыми: по преданию, здесь произошло чудесное обращение в христианство родоначальника Годуновых Мурзы Чета; в монастыре отстроены были палаты Годуновых; в них-то и поселился новоизбранный царь Михаил.

Провозглашением нового Государя Всея Руси в стенах Ипатьевского монастыря Верхнее Поволжье подчёркивало своё историческое торжество над другими землями страны и объявляло о примирении с памятью неудачливой земской династии Годуновых.

Верхняя Волга возвела на престол своего ставленника. Наступают десятилетия подъёма хозяйственного и политического значения верхневолжских городов. Богатеют и отстраиваются Ярославль, Кострома, Нижний. Размах строительства здесь – едва ли не больший, чем в Москве. Кипят ярмарки – в том же Ярославле, в Нижнем, в Макарьеве. Растут и города второго ряда: Калязин, Рыбинск, Борисоглебск, Кинешма. Их выборные люди вместе с государем и боярами участвуют в разборе важнейших государственных дел на Земских соборах. Однако этот расцвет оказался недолгим.

Верхневолжские города продолжали расти и шуметь, но завоёванное кровью экономическое и политическое значение постепенно потеряли. В судьбу их вмешалась геополитика. Богатство и благополучие верхневолжских городов базировалось на транзите товаров из Индии и Китая в Европу, и пока Волга оставалась крупнейшей транспортной магистралью Евразии, их процветание было обеспечено. Но на протяжении семнадцатого века индийско-дальневосточную торговлю берут в свои руки англичане, пути европейско-азиатской торговли перемещаются на моря. Дело довершил политический хаос в Персии, поставивший под угрозу безопасность каспийского водного пути. Значение волжского транзита стало падать, торговля поволжских купцов – хиреть. К тому же и ситуация в России складывалась

неблагополучно. Постоянная война, которую вела Москва на западных границах, постоянная борьба с внутренней нестабильностью выдвигали на первый план в государстве военнослужилое дворянство в ущерб торгово-промышленному посадскому сословию, составлявшему социальную силу Верхней Волги. Орловский, смоленский или псковский помещик оттеснил ярославского или нижегородского купца от рулей власти. Связь верхневолжской земли с избранной ею династией ослабла. С ослаблением Верхней Волги Понизовье снова подняло голову.

За десятилетия, прошедшие после Смуты, на Нижней Волге мало что изменилось. Русское переселение за Суру шло медленно; низовые земли оставались незанятыми. Появились, правда, новые крепости, среди них важнейшая – Симбирск, появились засечные оборонительные черты. Но хозяевами приволжских степей оставались кочевники и казаки. Атаманы по-прежнему нападали на торговые суда, а то и на государевы крепости. Нужно было только ослабнуть единству земли, чтобы понизовая вольница снова ринулась в свою анархическую революцию. В шестидесятые годы семнадцатого века в России настал Раскол. В Москве торжествовали универсалисты-«никониане», а Верхняя Волга хотела старой веры. Страна снова оказалась на грани смуты. Следствием Раскола стало восстание Стеньки Разина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.